

РОССИЙСКИЙ СУДЬЯ

№ 2

февраль 2022

«Предлагается унифицировать акты, регулирующие работу таких органов
судейского сообщества, как конференции судей субъектов РФ, для того,
чтобы все судебное сообщество, независимо от того, действующие
ли это судьи либо судьи в отставке, имело возможность принимать участие
в работе таких органов»

Курманов Э.Р. «О некоторых аспектах работы конференции судей субъекта
Российской Федерации как органа судебского сообщества»

Стр. 41

- Учет социально-психологических аспектов во внутрикорпоративных отношениях как фактор объективности судебных решений в арбитражном судопроизводстве
- Преступления против жизни и здоровья: единые преступления и совокупность
- Система доказывания при осуществлении судебного контроля за досудебным производством
- Участие населения в отправлении правосудия способно кардинально изменить правосознание российских граждан
- Судебный контроль: зарождение и становление в российском уголовном процессе
- Российский суд по правам человека: pro et contra

ISSN 1812-3791

9 771812 379776 >

РОССИЙСКИЙ СУДЬЯ

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЕ И ИНФОРМАЦИОННОЕ ИЗДАНИЕ.

Зарегистрировано в Федеральной службе по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия.

ПИ № ФС77-57988 от 28 апреля 2014 г. Журнал выходит с 1998 г. Издается ежемесячно.

№ 2/2022

Учредители: ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ГРУППА «ЮРИСТ», СУДЕБНЫЙ ДЕПАРТАМЕНТ ПРИ ВЕРХОВНОМ СУДЕ РФ

СОДЕРЖАНИЕ

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО И ПРОЦЕСС

3 Бурганов Б.Р. Учет социально-психологических аспектов во внутрикорпоративных отношениях как фактор объективности судебных решений в арбитражном судопроизводстве

10 Ломакина Л.А. Сроки в трудовом праве и судебная практика их применения

15 Шакирьянов Р.В., Шакирьянова Д.Р. Необходимые доказательства в гражданском судопроизводстве

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И ПРОЦЕСС

21 Жадяева М.А., Янина И.Ю. Общественная опасность «насильственного» и «вооруженного» хулиганства: проблемы законодательной техники и правоприменения

27 Градский В.Е. Прокурор как участник медиативных процедур в уголовном процессе Российской Федерации

32 Гарбатович Д.А. Преступления против жизни и здоровья: единые преступления и совокупность

СУДОПРОИЗВОДСТВО

35 Устинов А.А. Система доказывания при осуществлении судебного контроля за досудебным производством

СУДЕБНАЯ ВЛАСТЬ

ОРГАНЫ СУДЕЙСКОГО СООБЩЕСТВА

41 Курманов Э.Р. О некоторых аспектах работы конференции судей субъекта Российской Федерации как органа судейского сообщества

45 Тутаринова Н.Н. Суд с участием присяжных заседателей как средство эффективной правовой защиты прав и законных интересов субъектов правоотношений

51 Малина М.А. Участие населения в отправлении правосудия способно кардинально изменить правосознание российских граждан

ИСТОРИЧЕСКИЕ КОРНИ

56 Мурашкин И.Ю. Судебный контроль: зарождение и становление в российском уголовном процессе

ДИСКУССИЯ

61 Огнева Е.А. Российский суд по правам человека: pro et contra

Подписка по России:

«Почта России». Электронный каталог — П1774, а также через www.lawinfo.ru

Формат 60 x 90/8. Печать офсетная.

Бумага офсетная № 1.

Физ. печ. л. 6,0. Усл. печ. л. 6,0.

Тираж 4000 экз. Цена свободная.

Подписано в печать: 02.02.2022.

Дата выхода в свет: 10.02.2022.

Отпечатано в ООО «Национальная полиграфическая группа».

248031, г. Калуга, ул. Светлая, д. 2.

ISSN 1812-3791

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР ЖУРНАЛА:

Бабкин А.И.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Алауханов Е.О., д.ю.н., профессор, заслуженный деятель Республики Казахстан;

Андреева Т.К., к.ю.н., профессор, заслуженный юрист РФ;

Гусев А.В., д.э.н., профессор;

Добрынин К.Э., статс-секретарь Федеральной палаты адвокатов РФ;

Ершов В.В., д.ю.н., профессор;

Запольский С.В., д.ю.н., профессор, заслуженный юрист РФ;

Зорькин В.Д., Председатель Конституционного Суда РФ, д.ю.н., профессор;

Лебедев В.М., Председатель Верховного Суда РФ, д.ю.н., профессор, заслуженный юрист РФ;

Сидоренко Ю.И., судья Верховного Суда РФ в отставке

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Дедов Д.И., судья Европейского Суда по правам человека от РФ, д.ю.н., доцент;

Жилин Г.А., судья Конституционного Суда РФ в отставке, д.ю.н., профессор, заслуженный юрист РФ;

Нешатаева Т.Н., судья Суда

Евразийского экономического союза, д.ю.н., профессор;

Орлов А.В., председатель Арбитражного суда Центрального округа, к.ю.н.

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

ИЗДАТЕЛЬСКОЙ ГРУППЫ «ЮРИСТ»:

Гриб В.В., д.ю.н., профессор, член-корреспондент РАО, заслуженный юрист РФ

ЗАМЕСТИТЕЛИ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

ИЗДАТЕЛЬСКОЙ ГРУППЫ «ЮРИСТ»:

Бабкин А.И., Бельх В.С., Ренов Э.Н.,

Платонова О.Ф., Трүнцевский Ю.В.

ЦЕНТР РЕДАКЦИОННОЙ ПОДПИСКИ:

Тел.: (495) 617-18-88 (многоканальный)

Фото на обложке: фотобанк Лори

РЕДАКЦИЯ: Лаптева Е.А., Соловьева Д.В.

ВЕРСТКА: Курукина Е.И.

НАУЧНОЕ РЕДАКТИРОВАНИЕ И КОРРЕКТУРА:

Швечкова О.А., к.ю.н.

Телефон редакции: (495) 953-91-08.

Адрес редакции / издателя:

115035, г. Москва, Космодамианская наб., д. 26/55, стр. 7.

E-mail: avtor@lawinfo.ru

Журнал включен в базу данных

Российского индекса научного цитирования (РИНЦ).

Журнал рекомендован Высшей аттестационной комиссией при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации для публикаций основных результатов диссертаций на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук (12.00.02; 12.00.03; 12.00.10; 12.00.11; 12.00.15 – юридические науки).

Полная или частичная перепечатка материалов без письменного разрешения авторов статей или редакции преследуется по закону.

RUSSIAN JUDGE

SCIENCE-PRACTICE AND INFORMATIONAL EDITION.
REGISTERED AT THE FEDERAL SERVICE FOR THE MONITORING IN THE SPHERE
OF MASS COMMUNICATIONS, COMMUNICATION AND PROTECTION OF CULTURAL HERITAGE.
PI No. FC77-57988. APRIL 28, 2014. PUBLISHED SINCE 1998. PUBLISHED MONTHLY.

No. 2/2022

Founders: JURIST PUBLISHING GROUP, JUDICIAL DEPARTMENT AT THE SUPREME COURT OF THE RF

CONTENTS

CIVIL LAW AND PROCEDURE

3 B.R. Burganov. Acknowledgment of Social and Psychological Aspects in Corporate Relations as a Factor of Objectivity of Court Rulings in Arbitration Proceedings

10 LA. Lomakina. Terms in Labor Law and the Judicial Practice of Application Thereof

15 R.V. Shakiryayev, D.R. Shakiryayeva. Required Evidence in Civil Proceedings

CRIMINAL LAW AND PROCEDURE

21 M.A. Zhadyaeva, I.Yu. Yanina. The Social Danger of "Violent" and "Armed" Hooliganism: Issues of Legislative Technique and Law Enforcement

27 V.E. Gradsky. A Prosecutor as a Party to Mediation Proceedings in the Criminal Procedure of the Russian Federation

32 D.A. Garbatovich. Crimes against Life and Health: Single Crimes and an Aggregate Thereof

JUDICIAL PROCEEDINGS

35 A.A. Ustinov. The System of Proving in Exercising Judicial Control over Pre-Trial Proceedings

THE JUDICIARY. AUTHORITIES OF THE JUDICIAL COMMUNITY

41 E.R. Kurmanov. On Some Aspects of Work of a Conference of Judges of a Constituent Entity of the Russian Federation as an Authority of the Judicial Community

45 N.N. Tutarinova. Jury Trial as a Means of Effective Legal Protection of Rights and Legitimate Interests of Parties to Legal Relations

51 M.A. Malina. Participation of the Population in Exercising Justice Can Radically Change Legal Consciousness of Russian Citizens

HISTORICAL ROOTS

56 I.Yu. Murashkin. Judicial Control: The Origination and Establishment in the Russian Criminal Procedure

DISCUSSION

61 E.A. Ogneva. The Russian Court of Human Rights: Pro et Contra

Subscription in Russia:

Russian Post. Digital Catalogue – П1774
and also through www.lawinfo.ru

Size 60 x 90/8.

Offset printing. Offset paper № 1. Printer's sheet 6,0.

Conventional printed sheet 6,0.

Circulation 4000 copies. Free market price.

Passed for printing: 02.02.2022.

Edition was published: 10.02.2022.

Printed by National Polygraphic Group Ltd.

2, Svetlaya st., Kaluga, 248031.

ISSN 1812-3791

EDITOR IN CHIEF OF JOURNAL:

Babkin A.I.

EDITORIAL BOARD:

Alaukhanov E.O., LL.D., Professor,
Honored worker of the Republic of Kazakhstan;

Andreeva T.K., PhD (Law), Professor,
Honored Lawyer of the RF;

Gusev A.V., Doctor of Economics, Professor;

Dobrynin K.E., the State Secretary
of the Federal Chamber of Lawyers of the RF;

Ershov V.V., LL.D., Professor;

Zapol'skij S.V., LL.D., Professor,
Honored Lawyer of the Russian Federation;

Zor'kin V.D., Chairman, the Constitutional Court of the RF,
LL.D., Professor;

Lebedev V.M., Chairman, the Supreme Court
of the RF, LL.D., Professor,
Honored Lawyer of the Russian Federation;

Sidorenko Yu.I., Judge of the Supreme Court (retired)

EDITORIAL STAFF:

Dedov D.I., Judge of the European Court of Human Rights
from the RF, LL.D., Associate Professor;

Zhilin G.A., Judge of the Constitutional Court of the RF
in resignation, LL.D., Professor, Honored Lawyer of the RF;

Neshataeva T.N., Judge of the Court of the Eurasian Economic
Union, LL.D., Professor;

Orlov A.V., the Chairman of the Arbitration court
of the Central district, PhD (Law)

EDITOR IN CHIEF OF JURIST PUBLISHING GROUP:

Grib V.V., LL.D., Professor, Corresponding Member of the RAE,
Honored Lawyer of the RF

DEPUTY EDITORS IN CHIEF OF JURIST PUBLISHING GROUP:

Babkin A.I., Belykh V.S., Renov Eh.N., Platonova O.F.,
Truncevskij Yu.V.

CENTRE FOR EDITORIAL SUBSCRIPTION:

Tel.: (495) 617-18-88 (multichannel)

Photo of the cover: Lori Photobank

EDITORIAL OFFICE: Lapteva E.A., Solovyova D.V.

LAYOUT: Kurukina E.I.

SCIENTIFIC EDITING AND PROOFREADING:

Shvechkova O.A., PhD (Law)

Telephone of the Editorial Staff: (495) 953-91-08.

Address of Editorial office / Publisher:

Bldg. 7, 26/55, Kosmodamiyskaya Emb, Moscow, 115035.

E-mail: avtor@lawinfo.ru

The journal is included in the database Russian science citation index.

Recommended by the Supreme Attestation Commission under
the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation
for publications of results of PhD and doctoral theses (12.00.02;
12.00.03; 12.00.10; 12.00.11; 12.00.15 – law science).
Copyright reserved. Complete or partial reproduction of authors'
materials without prior written permission of the authors
or the Editorial Staff shall be subject to legal prosecution.

Учет социально-психологических аспектов во внутрикорпоративных отношениях как фактор объективности судебных решений в арбитражном судопроизводстве

Бурганов Булат Раисович,

судья Арбитражного суда Саратовской области, кандидат юридических наук
bulat.b-85@mail.ru

В настоящее время совершенствование нормативно-правовой базы арбитражного судопроизводства, рассматривающей внутрикорпоративные отношения, является одной из актуальных проблем юридической науки и практики. В рамках решения данной проблемы автор рассматривает такие аспекты темы как условия возникновения спора в определенной корпоративной структуре, их социально-психологические особенности, значение организационной (корпоративной) культуры при рассмотрении судебных дел, обеспечение баланса законных интересов участников внутрикорпоративных отношений. На основе анализа практических примеров различных судебных дел выявлена необходимость учета судами влияния социально-психологических факторов на действия сторон — участников корпорации, что требует в том числе повышения профессионального опыта судейского корпуса. Также в рамках изучения природы взаимоотношений между участниками корпорации заострено внимание на проявлении оппортунистического поведения участников организации. По мнению автора, совершенствование законодательства и наработка практики применительно к учету социально-психологических аспектов взаимодействия участников внутрикорпоративных отношений позволит укрепить законность.

Ключевые слова: арбитражное судопроизводство, корпоративная культура, оппортунистическое поведение, справедливое судебное разбирательство, законность.

Acknowledgment of Social and Psychological Aspects in Corporate Relations as a Factor of Objectivity of Court Rulings in Arbitration Proceedings

Bulat R. Burganov

Judge of the Commercial Court of the Saratov Region, PhD (Law)

Currently, the improvement of the legal framework of arbitration proceedings, which considers internal corporate relations, is one of the most urgent problems of legal science and practice. Within the framework of solving this problem, the author considers such aspects of the topic as the conditions for the emergence of a dispute in a certain corporate structure, their socio-psychological features, the importance of organizational (corporate) culture in the consideration of court cases, ensuring a balance of the legitimate interests of participants in internal corporate relations. Based on the analysis of practical examples of various court cases, the need for courts to take into account the influence of socio-psychological factors on the actions of the parties-participants of the corporation, which requires, among other things, improving the professional experience of the judicial corps. Also, as part of the study of the nature of the relationship between the participants of the corporation, attention is focused on the manifestation of opportunistic behavior of the participants of the organization. According to the author, the improvement of legislation and the development of practice in relation to taking into account the socio-psychological aspects of the interaction of participants in internal corporate relations will strengthen the rule of law.

Keywords: arbitration proceedings, corporate culture, opportunistic behavior, fair trial, legality.

Активные преобразования в архитектуре хозяйствующих субъектов и существенное изменение корпоративной нормативно-правовой базы вызывают острую необходимость разработки новых правовых подходов к пониманию сущности корпоративных отношений. Повышение интереса к спорам между участниками корпорации наметилось еще в 2019 г.: «согласно статистике ко-

личество рассмотренных корпоративных споров в 2019 г. составило 20 800. Эта категория дел вызывает пристальное внимание Верховного суда» — отметил В.М. Лебедев, подводя итоги работы судов за 2019 г.¹ Следует заметить, что сложившиеся пути к разрешению корпоративных споров не отвечают

¹ URL: <https://pravo.ru/story/218428>

стремительному развитию и усложнению взаимоотношений между участниками корпораций. Для решения возникающих проблемных вопросов знаний, полученных путем изучения основных законов и принципов судопроизводства, становится явно недостаточно. Отдельные проблемы совершенствования принципов арбитражного судопроизводства рассмотрены в авторской публикации².

Взаимодействие участников корпоративных отношений протекает в разных аспектах, среди которых особо выделяется социально-психологический. Поведение участников в таких отношениях может иметь не только цель, направленную на развитие корпорации, но и недобросовестный и оппортунистический замысел. Из этого следует, что выявление истинной цели поведения сторон внутри корпоративной структуры становится первоочередной задачей для судебного органа в процедуре рассмотрения корпоративного спора.

В целях достижения такой цели подход судебного органа к исследованию обстоятельств судебного дела должен включать в себя изучение условий взаимодействия участников организации и влияния выявленных условий на возникновение спора в определенной корпоративной структуре. Данное обстоятельство обусловлено тем, что неверная оценка объективной цели действий участника организации и на основании данных обстоятельств принятие неправомерного судебного решения влияет на имидж корпорации, а это в современных информационных реалиях окажет негативный эффект на прибыльность организации и в конечном итоге на ее капитализацию. Кроме того, результат рассмотренного дела, в свою очередь, повлечет изменения в формировании доверия к судебной власти, окажет неблагоприятное воздействие как на репутацию судебного органа, так и на корпоративную репутацию. А последняя отражается на конкурентоспособности корпорации. Еще в 2003 г. исследование, проведенное С. Фомбруном

² Бурганов Б.Р. Проблемы совершенствования принципов арбитражного судопроизводства // Арбитражный и гражданский процесс. 2018. № 5. С. 10–14.

и К. ван Риэлем, показало, что компании с хорошей корпоративной репутацией успешнее, чем их конкуренты с более плохой репутацией³.

Проблемы во взаимодействии участников внутрикорпоративных отношениях являются одними из самых неопределенных и сложных в разборе для разрешения споров, так как затрагивают их социально-психологические аспекты. Сама психология — это научная дисциплина, изучающая закономерности возникновения, развития и функционирования психики и психической деятельности человека и групп людей, совокупность психических процессов, обуславливающих тот или иной род деятельности⁴. Известный ученый в области юриспруденции О. Гирке, исследовавший корпоративную природу, указывал, что «корпорация — как реальное собирательное лицо есть общение, носители которого суть связанные между собой индивиды и которые принадлежат им. Между собирательным лицом и индивидуальными лицами, которые взаимно влияют друг на друга, получая и давая, завязывается здесь лично правовой союз, подобного которому не бывает вне корпорации»⁵. Соответственно, каждый член коллектива должен обладать корпоративной культурой. Дж. Мартин отмечал, что «когда люди вступают в непосредственное взаимодействие с организацией, они стелются с принятой в ней манерой одеваться, рассказами сотрудников о том, что происходит в организации, установленными правилами и практикой работы, общепринятыми нормами поведения, традициями, заданиями, системой оплаты, жаргоном и шутками, которые понятны только членам организации, и т.д. Эти составные элементы и являются проявлениями организационной культуры»⁶. Синони-

³ URL: <https://vc.ru/marketing/216064-korporativnaya-reputaciya-pochemu-ona-ne-meneevazhna-chem-kachestvo-uslug-kompanij>

⁴ Толковый словарь русского языка. В 4 т. / составители: Г.О. Винокур, Б.А. Ларин, С.И. Ожегов [и др.]; под редакцией Д.Н. Ушакова. М.: Советская энциклопедия, 1935–1940.

⁵ Суворов Н.С. О юридических лицах по римскому праву. М., 2000. С. 97–98.

⁶ Лютенс Ф. Организационное поведение. М.: ИНФРА-М, 1999. С. 156.

мом организационной культуры является корпоративная культура. Под корпоративной культурой принято понимать обширный комплекс явлений духовной и материальной жизни коллектива: принятые морально-этические нормы и ценности, корпоративный кодекс, регламентирующий нормы поведения, традиции и устоявшиеся ритуалы, дресс-код, корпоративная этика в клиентской политике и т.д.⁷

Определенную роль в становлении и развитии корпоративной культуры играет социально-психологическое взаимодействие участников организации, основанное на внутриорганизационной философии и идеологии. Большой вклад в изучение психологии взаимодействия участников организации внутри группы и развитие организационной культуры внес Э. Шейн. В своих работах он выделяет три уровня корпоративной культуры: поверхностный, внутренний, глубинный⁸. Первый, самый доступный для исследователя, составляют видимые культурные артефакты, к которым можно отнести такие ее проявления, как применяемая технология и архитектура, использование пространства и времени, устойчивые способы поведения членов организации, язык, лозунги и т.п., или все, что можно ощущать и воспринимать через известные пять чувств человека. Все эти проявления организационной культуры легко обнаружить, они в большей или меньшей степени доступны для наблюдения и описания⁹. Далее идет внутренний уровень, который включает в себя этические правила, стратегию, кодекс поведения, миссию, девизы. А отношения к общечеловеческим ценностям, убеждения, верования, восприятие времени и пространства составляют глубинный уровень. Все три уровня должны быть учтены в судебной деятельности. Но эта сфера научной и практической деятельности находится на стадии сбора информации.

⁷ Прошев И.В., Емельянов И.В., Юрьев В.М. Организационная культура. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2014.

⁸ Шейн Э. Организационная культура и лидерство: учебник. Санкт-Петербург: Питер, 2007.

⁹ Полецкий О.В. Уровни и элементы организационной культуры // Вестник Омского университета. Серия: Экономика. 2005. № 3. С. 101–104.

С правовой точки зрения механизм корпоративных отношений представляет собой имеющие законодательное закрепление отношения между корпорацией и ее участником/участниками и возникающие из них соподчиненные отношения. Корпоративные отношения можно разделить на четыре вида: отношения членов корпорации между собой; отношения между членами и самой корпорацией; отношения между корпорацией и управляющими (менеджерами); отношения между членами корпорации и управляющими (менеджерами)¹⁰. В каждом виде можно найти свои особенности их проявлений.

Согласно п. 1 ст. 2 Гражданского кодекса Российской Федерации гражданское законодательство регулирует отношения, связанные с участием в корпоративных организациях или с управлением ими (корпоративные отношения), договорные и иные обязательства, а также другие имущественные и личные неимущественные отношения, основанные на равенстве, автономии воли и имущественной самостоятельности участников. То есть законодатель разделяет корпоративные отношения на отношения участия и отношения управления ими.

Однако сложность и многообразие внутрикорпоративных отношений, включая межличностные связи между конкретными ответственными лицами и акционерами, вызывает трудности при рассмотрении судебных дел.

Одной из основных задач законодательства в данной сфере является обеспечение баланса законных интересов участников корпоративных отношений с учетом того, что Конституция Российской Федерации закрепляет принцип, согласно которому осуществление прав и свобод человека и гражданина не должно нарушать права и свободы других лиц (ст. 17, ч. 3), и гарантирует каждому судебную защиту его прав и свобод (ст. 46, ч. 1). Право на судебную защиту предполагает конкретные гарантии его реализации и обеспечение эффективного

¹⁰ Гутников О.В. Содержание корпоративных отношений // Журнал Российского права. 2013. № 1. С. 26–39.

восстановления в правах посредством правосудия, отвечающего требованиям справедливости¹¹.

Так, в одном из дел Верховный Суд Российской Федерации указал, что судебными инстанциями обстоятельства получения должником доли в уставном капитале общества не устанавливались. Равным образом не полностью исследованы обстоятельства заинтересованности участников сделок по мотивам наличия между ними устойчивых внутригрупповых связей и общности хозяйственных интересов, а также неплатежеспособности должника и осведомленности об этом сторон на момент их совершения с учетом приводимых участниками доводов и возражений¹².

В другом деле Верховный Суд Российской Федерации пришел к выводу о том, что суды апелляционной и кассационной инстанций сделали правильный вывод о том, что оспариваемое решение было принято правомочным внеочередным общим собранием акционеров общества, с соблюдением требований Закона об акционерных обществах при недоказанности корпоративных и иных связей между директором и иностранными компаниями в рамках данного спора¹³.

В указанных делах суды нижестоящих инстанций делают свои выводы, следуя формально установленному законодательному порядку, при этом действия, необходимые для правильного и справедливого разрешения спора, с погружением в те самые человеческие корпоративные связи, не выполнены.

Следует отметить, что исследование социально-психологических факторов действий участников корпорации должно носить доказательственную правовую форму и не может напоминать «реку, не имеющую берегов».

¹¹ Определение Конституционного Суда РФ от 3 июля 2007 г. № 681-О-П // СПС «КонсультантПлюс».

¹² Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 6 февраля 2020 г. № 306-ЭС19-19734 по делу № А55-505/2016 // СПС «КонсультантПлюс».

¹³ Определение Верховного Суда РФ от 22 августа 2017 г. № 307-ЭС17-10672 по делу № А56-24123/2015 // СПС «КонсультантПлюс».

Согласно ч. 1 ст. 64 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации (далее — АПК РФ), доказательствами по делу являются полученные в предусмотренном настоящим Кодексом и другими федеральными законами порядке сведения о фактах, на основании которых арбитражный суд устанавливает наличие или отсутствие обстоятельств, обосновывающих требования и возражения лиц, участвующих в деле, а также иные обстоятельства, имеющие значение для правильного рассмотрения дела. То есть изучение мотивов совершения тех или иных действий со стороны участника корпорации и принятие судебного решения должны осуществляться в строго установленной доказательственной рамке. В то же время арбитражный суд оценивает доказательства по своему внутреннему убеждению, основанному на всестороннем, полном, объективном и непосредственном исследовании имеющихся в деле доказательств (ч. 1 ст. 71 АПК РФ).

Так, Арбитражный суд Поволжского округа, рассматривая кассационную жалобу по делу о взыскании убытков с директора, указал, что суды пришли к выводу, что акт проверки хозяйственной деятельности ответчиком был подписан под давлением и угрозами. В силу ст. 64, 65 АПК РФ участники арбитражного спора обязаны доказать обстоятельства, на которые они ссылаются в обоснование своих доводов и возражений. Фактически арбитражные суды первой и апелляционной инстанций освободили ответчика от доказывания указанного обстоятельства. В нарушение ст. 70, 71 АПК РФ арбитражные суды не обосновали достаточными и достоверными доказательствами свой вывод, что акт проверки хозяйственной деятельности ответчиком был подписан под давлением и угрозами. Таким образом, выводы арбитражных судов первой и апелляционной инстанций фактически не соответствуют обстоятельствам спора, не исследованы доказательства в их совокупности, не дана оценка доводам истца. Обжалуемые судебные акты были отменены, дело направлено в арбитражный суд первой инстанции на новое

рассмотрение¹⁴. Следует отметить, что доказывание фактов давления и угроз наиболее активно изучается в сфере уголовного судопроизводства.

Еще в одном деле, в постановлении от 19 февраля 2020 г. № Ф09-373/20 по делу № А47-11973/2017 Арбитражный суд Уральского округа отметил, что при рассмотрении спора судами нарушены нормы материального права, что привело к недостаточному исследованию и установлению значимых для разрешения спора обстоятельств. Суд указал, что, приобщив к материалам дела представленные сторонами документы, суды их фактически не исследовали, оценки на предмет того, подтверждают они или нет реальность хозяйственных отношений, сложившихся между должником и ответчиком, наличие заинтересованности между ними, согласованность их действий по созданию схемы вывода активов, вредоносный или предпочтительный характер сделок оспариваемые судебные акты не содержат. Между тем указанные обстоятельства являются значимыми и подлежат включению в предмет исследования и оценки судов. Суд округа счел, что подобный поверхностный подход судов не обеспечил всестороннее и полное исследование и установление фактических обстоятельств дела, имеющих существенное значение для правильного разрешения спора.

Объем и разнообразие дел, в которых имеются похожие нарушения, вызывают крайнюю обеспокоенность.

Согласно статистическим данным, Арбитражный суд Поволжского округа в 2020 г. рассмотрел 252 кассационные жалобы на судебные акты судов первой и апелляционной инстанций, принятые по делам, возникающим из корпоративной сферы. При этом 42 дела (в процентном выражении — 17%) были отменены судом округа в связи с различными нарушениями нижестоящими судами норм материального и процессуального права. То есть практически каждое пятое дело было рассмотрено судами с нарушением норм закона.

¹⁴ Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 18 февраля 2021 г. № Ф06-499/2021 по делу № А65-27437/2019 // СПС «Консультант-Плюс».

Процент отмен всех судебных актов по всему суду за этот период составил 12%¹⁵, что говорит о существенной разнице по отмене решений, принятых по корпоративным делам, в сравнении с иными делами.

За аналогичный период 2019 г. было рассмотрено 330 кассационных жалоб в корпоративной сфере и 42 судебных акта были отменены.

Такие данные свидетельствуют об изменении качества рассмотрения судами нижестоящих инстанций дел, что вместе с изучением причин отмен судебных актов подтверждает трансформацию изучаемой сферы в сторону необходимости более скрупулезного изучения межличностных корпоративных отношений, протекающих внутри организации.

Таким образом, анализ судебной практики и статистики показывает, что действия судов по разрешению спора в пределах доказательственной рамки и изучение структурных связей организации, в которых анализируется система и межличностные контакты во внутрикорпоративных отношениях, вызывает множественные сложности. Между тем поиск необходимого баланса справедливости и закона для распутывания организационного конфликта является базовой целью судебного органа.

Учет особенностей корпоративной структуры организации, изучение ее организационных ценностей требуют не только большого профессионального опыта, знаний и времени, но и разумной степени смелости в доказывании фактических обстоятельств дела на основании внутреннего убеждения по итогам рассмотрения дела. Повышающаяся сложность рассмотрения корпоративных споров в современных условиях требует исследования вопроса о привлечении для помощи при рассмотрении дела специалистов, специализирующихся на изучении внутрикорпоративных связей, или судей в отставке, имеющих достаточный стаж работы в рассматриваемой сфере. Перманентное повышение профессионального уровня, стажировка и переподготовка судейского корпуса

¹⁵ URL: https://faspo.arbitr.ru/about/court_report/2020

применительно к корпоративной сфере могут также являться средствами, позволяющими адаптироваться к изменяющейся корпоративной среде и вести к пониманию актуальных базовых особенностей социально-психологической культуры данной сферы.

Механизм повышенного внимания к рассмотрению дела с привлечением специалистов и ученых узкого профиля давно задействован в Суде по интеллектуальным правам. В соответствии с ч. 1.1 ст. 16 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации специализированный арбитражный суд в целях получения разъяснений, консультаций и выяснения профессионального мнения ученых, специалистов и прочих лиц, обладающих теоретическими и практическими познаниями по существу разрешаемого специализированным арбитражным судом спора, может также направлять запросы. Одна из существенных особенностей организации и деятельности Суда состоит в расширении его процессуальных возможностей по получению специальных познаний по существу разрешаемого спора. Источником таких познаний могут являться сами судьи специализированного суда, так как наличие у претендента на вакантную должность судьи специального образования, соответствующего специализации суда, учитывается при рекомендации на должность судьи. Помимо этого, Суд также вправе по своей инициативе привлечь в арбитражный процесс в качестве специалиста советника аппарата суда, обладающего квалификацией, соответствующей специализации суда¹⁶. Суд по интеллектуальным правам является единственным судом Российской Федерации, в аппарате которого состоят такие специалисты, при этом к участию в деле могут быть привлечены и любые другие лица, обладающие необходимыми суду познаниями¹⁷. Российская правовая

система переняла данный опыт из Германии и Японии. В данных странах в целях разъяснения сложных правовых вопросов спора привлекают к участию в деле судей-специалистов, состоящих в штате судебного органа. Внедрение данных методик позволило специализированному суду продемонстрировать высокие показатели в своей деятельности, что было отмечено и Всемирной организацией интеллектуальной собственности¹⁸.

В рамках изучения природы взаимоотношений между участниками корпорации следует заострить внимание и на выявлении оппортунистического поведения среди членов организации. Оппортунистическое поведение определяется О. Уильямсоном, который ввел это понятие в научный оборот, как «преследование собственного интереса, доходящее до вероломства»¹⁹. Среди методов достижения личных интересов автор назвал мошенничество, воровство, обман, проявленные как в активной форме, так и в пассивной²⁰. В широком понимании оппортунизм является недобросовестным поведением с целью получения односторонней выгоды.

В рамках корпоративных отношений оппортунизм выражен в выборе участником организации такого поведения, которое исходит из приоритета исключительно личных интересов и приводит к неоптимальному исходу для достижения целей корпорации. Такое поведение неизбежно порождает ущемление прав и законных интересов лиц, связанных с корпорацией, и позднее перетекает в судебную стезю.

Анализ природы возникшего внутрикорпоративного конфликта в ракурсе определения побуждающих и движимых факторов оппортунистического поведения является необходимой составляющей, требующей правовой оценки в рамках спора в целях вынесения объ-

¹⁶ Уколов С.М., Химичев В.А. О некоторых вопросах получения Судом по интеллектуальным правам специальных познаний по существу разрешаемого спора // Журнал Суда по интеллектуальным правам. 2013. № 1. С. 66–72.

¹⁷ Механизмы сбалансированного комплексного и эффективного решения споров по вопросам интеллектуальной собственности. Консультативный комитет по защите прав. Одиннадцатая

сессия. Женева, 5–7 сентября 2016 г. (совместное исследование CEIPI и МЦТУР). URL: https://www.wipo.int/edocs/mdocs/enforcement/ru/wipo_ace_11/wipo_ace_11_7.pdf

¹⁸ URL: <http://government.ru/news/16924>

¹⁹ Оливер И. Уильямсон. Поведенческие предпосылки современного экономического анализа // Thesis. 1993. № 3. С. 39–49.

²⁰ Оливер И. Уильямсон. Указ. соч.

ективных и справедливых судебных решений в арбитражном судопроизводстве.

Заключение

Таким образом, учет всех социально-психологических аспектов во внутрикорпоративных отношениях в арбитражном судопроизводстве позволит получить объективные судебные решения, что соответствует требованиям трансформации законодательства в современных условиях.

К исследованию обстоятельств судебного дела необходимо добавить изучение условий взаимодействия участников организации и влияния выявленных условий на возникновение спора в определенной корпоративной структуре. При этом особое внимание правоприменителям следует обратить на социально-психологические аспекты коллективного сотрудничества и на соблюдение организационной культуры участников корпорации. Сложность и многообразие внутрикорпоративных отношений, включая межличностные связи между конкретными ответственными лицами и акционерами, вызывает трудности при рассмотрении судебных дел.

В рамках изучения природы взаимоотношений между участниками корпорации следует заострить внимание и на выявлении оппортунистического поведения среди участников организации. Принцип «преимущественного права» в сделках может стать «яблоком раздора» между ними.

Кроме того, на сегодняшний день система корпоративного законодательства переживает этап становления и точечного регулирования, пересмотра подходов к организации корпоративной культуры с учетом эволюции международного и внутригосударственного законодательства. Эти изменения сказываются на многих участниках экономического сектора. Совершенствование законодательства и наработка практики в указанной сфере применительно к учету социально-психологических аспектов взаимодействия участников позволит укрепить законность и станет эффективной мерой, направленной на понимание органами государственных структур мотивов и целей совершения тех или иных действий субъектами предпринимательских отношений.

Литература

1. Бурганов Б.Р. Проблемы совершенствования принципов арбитражного судопроизводства / Б.Р. Бурганов // Арбитражный и гражданский процесс. 2018. № 5. С. 10–14.
2. Грошев И.В. Организационная культура / И.В. Грошев, И.В. Емельянов, В.М. Юрьев. Москва : ЮНИТИ-ДАНА, 2014. 288 с.
3. Гутников О.В. Содержание корпоративных отношений / О.В. Гутников // Журнал Российского права. 2013. № 1. С. 26–39.
4. Лютенс Ф. Организационное поведение : учебник для студентов вузов / Ф. Лютенс ; перевод с английского О.Е. Гончаровой [и др.]. Перевод с 7-го изд. на англ. яз. Москва : ИНФРА-М, 1999. 691 с.
5. Полецкий О.В. Уровни и элементы организационной культуры / О.В. Полецкий // Вестник Омского университета. Серия: Экономика. 2005. № 3. С. 101–104.
6. Суворов Н.С. О юридических лицах по римскому праву / Н.С. Суворов. Москва : Статут, 2000. 298 с.
7. Толковый словарь русского языка. В 4 томах / составители: Г.О. Винокур, Б.А. Ларин, С.И. Ожегов [и др.]; под редакцией Д.Н. Ушакова. Москва : Советская энциклопедия, 1935–1940.
8. Уильямсон Оливер И. Поведенческие предпосылки современного экономического анализа / Оливер И. Уильямсон // Thesis. 1993. № 3. С. 39–49.
9. Уколов С.М. О некоторых вопросах получения Судом по интеллектуальным правам специальных познаний по существу разрешаемого спора / С.М. Уколов, В.А. Химичев // Журнал Суда по интеллектуальным правам. 2013. № 1. С. 66–72.
10. Шейн Э. Организационная культура и лидерство : учебник / Э. Шейн. Санкт-Петербург : Питер. 2007. 336 с.

Сроки в трудовом праве и судебная практика их применения

Ломакина Любовь Александровна,
ведущий научный сотрудник отдела законодательства о труде и социальном обеспечении
Института законодательства и сравнительного правоведения
при Правительстве Российской Федерации, федеральный судья в отставке,
кандидат юридических наук, доцент
labour@izak.ru

Сроки в трудовом праве являются ключевой правовой категорией, выполняющей различные функции и создающей необходимые временные условия, связанные с реализацией сторонами трудового договора их прав и обязанностей. Их правильное применение обеспечивает баланс интересов сторон трудового договора, государства и влияет на развитие трудовых отношений. В статье проводится анализ правовых норм отдельных институтов трудового права, которые содержат императивные сроки, и материалов судебной практики их применения и обосновывается необходимость единства судебной практики в реализации таких норм в соответствии с требованиями, установленными ТК РФ.

Цель настоящей работы состоит в анализе правовых норм трудового права, содержащих императивные сроки, а также их единообразном и правильном применении при разрешении трудовых споров.

В процессе достижения цели и решения поставленных задач общеметодологическую основу данного исследования составляют общенаучный диалектический метод познания, а также логический, системный, сравнительно-правовой и формально-юридический методы.

В целях правильного, объективного и справедливого разрешения правовых споров проведен анализ судебной практики и правовых норм, содержащих некоторые сроки, с которыми законодатель связывает возникновение или прекращение прав и обязанностей сторон трудового договора, что позволит судам единообразно применять нормы трудового права.

Ключевые слова: увольнение, сроки предупреждения об увольнении, испытательный срок, срочный трудовой договор, судебная практика, соглашение об испытательном сроке, толкование императивных норм, процедурные нормы, исчисление сроков, баланс интересов.

Terms in Labor Law and the Judicial Practice of Application Thereof

Lyubov A. Lomakina
Leading Research Scientist of the Department of Labor and Social Security Law
of the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation
Federal Judge Emeritus, PhD (Law), Associate Professor

Terms in labor law are a key legal category that performs various functions and creates the necessary temporary conditions associated with the implementation of their rights and obligations by the parties to an employment contract. Their correct application ensures a balance of the interests of the parties to the employment contract, the state and affects the development of labor relations. The article analyzes the legal norms of individual institutions of labor law, which contain mandatory deadlines, and the materials of judicial practice of their application, and substantiates the need for unity of judicial practice in the implementation of such norms in accordance with the requirements established by the Labor Code of the Russian Federation.

The purpose of this work is to analyze the legal norms of labor law containing mandatory deadlines, as well as their uniform and correct application in resolving labor disputes.

In the process of achieving the goal and solving the tasks set, the general methodological basis of this study is the general scientific dialectical method of cognition, as well as logical, systemic, comparative legal and formal legal methods.

For the purpose of correct, objective and fair resolution of legal disputes, an analysis of judicial practice and legal norms containing some terms with which the legislator associates the emergence or termination of the rights and obligations of the parties to an employment contract, which will allow the courts to uniformly apply the norms of labor law, is carried out.

Keywords: dismissal, terms of notice of dismissal, probationary period, fixed-term employment contract, judicial practice, probationary agreement, interpretation of mandatory norms, procedural norms, calculation of terms, balance of interests.

Введение. Во всех институтах трудового права в той или иной мере закреплено множество сроков, выполняющих различные функции, связанные с реализацией сторонами трудового правоотношения их прав и обязанностей. Так как современное трудовое право является частно-публичной отраслью права, то оно сочетает в себе как

диспозитивные, так и императивные нормы. Классификация сроков по различным основаниям дается В.Н. Скобелкиным¹. Теоретические аспекты классификации сро-

¹ Скобелкин В.Н. и др. Трудовое процедурно-процессуальное право / под ред. В.Н. Скобелкина (параграф 5 глава 4). Воронеж : Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2002.

ков в механизме правового регулирования далеко не всегда одинаково определяются разными авторами, в нашу задачу не входит вступать в полемику по этому вопросу. В рамках настоящей статьи рассматриваются лишь правовые аспекты императивных сроков, которые являются элементом некоторых процедурных норм, связанных с прекращением трудовых отношений, и судебная практика их применения. Нельзя не согласиться с Э.Н. Бондаренко в том, что «отличительная черта срока — определенность момента его начала и окончания»². Поэтому с течением сроков Трудовой кодекс РФ (далее — ТК РФ) связывает возникновение трудовых прав и обязанностей (ст. 14) и их прекращение.

Императивные сроки, установленные на законодательном уровне, не могут быть изменены соглашением сторон трудового договора, а также правоприменителем, так как они носят обязательный характер. Сказанное относится к большинству, но не ко всем срокам. За редким исключением, да и то, когда это прямо установлено законом (например, ч. 2 ст. 80 ТК РФ), они по договоренности сторон трудового договора могут быть изменены с учетом интересов обеих сторон трудового договора.

Заметим, что сроки в трудовом праве относятся к числу ключевых правовых категорий, они создают необходимые временные условия для существования, реализации, защиты прав субъектов трудового права, а также исполнения ими обязанностей. По мнению В.Н. Скобелкина, «...правовая норма придает тому или иному сроку в определенной ситуации правообразующее значение»³.

Правоприменительная практика прекращения срочного трудового договора⁴. Так, в соответствии со ст. 79 ТК РФ о прекращении трудового договора в связи с истечением срока его действия работник должен быть предупрежден в письменной форме не менее чем за три календарных дня до увольнения, за исключением случаев, когда истекает срок действия срочного трудового договора, заключенного на время исполнения обязанностей отсутствующего работника.

² Бондаренко Э.Н. Динамика трудового правоотношения. М.: Норма: ИНФРА-М, 2015. С. 3; Реутов С.И. Юридические факты в советском семейном праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1976. С. 20–21; Грибанов В.П. Сроки в гражданском праве. М.: Знание, 1967. С. 8.

³ Скобелкин В.Н. Указ. соч. С 127–128.

⁴ См.: Ломакина Л.А. Баланс интересов в трудовых отношениях // Журнал российского права. 2021. № 6. С. 104–116.

Указанная правовая норма очень четко излагает правила прекращения срочного трудового договора, указывающие на обязанность работодателя предупредить работника в письменной форме не менее чем за три календарных дня до увольнения, за исключением случаев, когда истекает срок действия срочного трудового договора, заключенного на время исполнения обязанностей отсутствующего работника.

Учитывая императивный характер рассматриваемой нормы, следует считать, что ее нарушение работодателем исключает возможность прекращения трудового договора.

Между тем следует отметить, что правоприменительные органы отступают от правила обязательности императивной нормы в части предупреждения работника о прекращении срочного трудового договора в случае, предусмотренном законом, указывая, что несоблюдение работодателем правила о предварительном уведомлении работника о прекращении срочного трудового договора с истечением срока его действия не менее чем за три календарных дня до увольнения не является самостоятельным основанием для признания увольнения незаконным, поскольку, заключая трудовой договор, истец знал о его срочном характере; а также ссылаются на нецелесообразность применения указанного правила⁵.

Среди ученых, занимающихся трудовым правом, позиции по вопросу применения ст. 79 ТК РФ (подп. 2 ч. 1 ст. 77 ТК РФ) имеют аргументированное обоснование⁶, но они различны.

⁵ Апелляционное определение Верховного Суда Республики Мордовия от 11 сентября 2018 г. № 33-1677/2018; апелляционное определение Московского городского суда от 16 декабря 2016 г. № 33-48093/2016; и ряд др. // СПС «КонсультантПлюс».

⁶ Особенности регулирования трудовых отношений в условиях цифровой экономики / под ред. Ю.П. Орловского, Д.Л. Кузнецова. М.: Контракт, 2018. Глава 1. Систематизация норм Трудового кодекса РФ с целью создания условий для применения информационных технологий в регулировании трудовых отношений (авторы: Орловский Ю.П. в соавторстве с Д.Л. Кузнецовым и И.Я. Белицкой); Комментарий к Трудовому кодексу Российской Федерации. 4 изд. / отв. ред. Ю.П. Орловский. М.: Контракт, ИНФРА-М, 2008; Орловский Ю.П., Нуртдинова А.Ф., Чиканова Л.А. 502 актуальных вопроса по Трудовому кодексу Российской Федерации: комментарии и разъяснения: практич. пособие. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2010; Филипова И.А. Особенности правового регулирования труда по законодательству России и Франции. Сравнительное исследование: монография. Нижний Новгород: Нижегородский университет, 2016.

В связи с этим следует уточнить, чем вызвано такое отношение к императивной норме со стороны правоприменителя.

Лояльное отношение судов к срокам уведомления о прекращении срочного трудового договора вызвано видимо тем, что суды не учитывают, что правовая позиция Конституционного Суда РФ в Определении от 21 октября 2008 г. № 614-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Володиной В.С. на нарушение ее конституционных прав», высказанная по статье 79 ТК РФ (в редакции Федерального закона № 197-ФЗ от 30 декабря 2001 года), которая действовала на момент возникновения спора по делу гражданки Володиной В.С.

Федеральным законом от 30 июня 2006 г. № 90-ФЗ «О внесении изменений в Трудовой кодекс Российской Федерации, признании не действующими на территории Российской Федерации некоторых нормативных правовых актов СССР и утратившими силу некоторых законодательных актов (положений законодательных актов) Российской Федерации»⁷ в ст. 79 ТК РФ были внесены изменения, которые действуют в настоящий момент⁸.

Следовательно, ст. 79 ТК РФ в действующей редакции не являлась предметом рассмотрения Конституционного Суда РФ при постановке Определения от 21 октября 2008 г. № 614-О-О.

Однако суды при рассмотрении споров ссылаются на указанное определение и по сей день⁹.

При этом из содержания указанного определения усматривается, что Консти-

туционный Суд РФ, защищая права и свободы временно отсутствующего работника, выступил на его стороне и указал на возможность прекращения срочного трудового договора, заключенного на время исполнения обязанностей временно отсутствующего работника, без выполнения такого условия прекращения трудового договора как письменное предупреждение не менее чем за три календарных дня до увольнения. Из его содержания усматривается, что другие случаи прекращения срочного трудового договора, указанные в ст. 79 ТК РФ, когда на работодателя возлагается обязанность предупреждения о прекращении срочного трудового договора не менее чем за три календарных дня до увольнения, не были предметом рассмотрения Конституционного Суда РФ.

Предварительное уведомление работника о расторжении с ним срочного трудового договора является не только элементом процедуры увольнения работника, но и защитной функцией от необоснованного увольнения. Возникает вопрос о необоснованности неприменения такого правила увольнения как предупреждение при прекращении срочного трудового договора в случаях, установленных законом.

Процедура заключения и расторжения трудового договора в связи с неудовлетворительным результатом испытания и правоприменительная практика. Среди увольнений по инициативе работодателя особое место занимает расторжение трудового договора в связи с неудовлетворительным результатом испытания (п. 4 ч. 1 ст. 77, 71 ТК РФ).

Целью установленной законом процедуры увольнения работника по причине неудовлетворительного результата испытания является обеспечение защиты работника от произвольного увольнения, недопущение нарушения его трудовых прав.

Из содержания ч. 1 ст. 70 ТК РФ следует, что по общему правилу при заключении трудового договора в нем по соглашению сторон может быть предусмотрено условие об испытании работника в целях проверки его соответствия поручаемой работе (ч. 1).

Отсутствие в трудовом договоре условия об испытании означает, что работник принят на работу без испытания (ч. 2 ст. 70 ТК РФ).

Однако законодатель указывает, что в случае, когда работник фактически допущен к работе без оформления трудового договора (ч. 3 ст. 67 ТК РФ), условие

⁷ СЗ РФ. 2006. № 27. Ст. 287. (Настоящий Федеральный закон вступил в силу по истечении 90 дней после дня его официального опубликования — с 5 октября 2006 г.).

⁸ Так, из Определения Конституционного Суда РФ от 21 октября 2008 г. № 614-О-О усматривается, что предметом рассмотрения являются правоотношения, связанные с истечением срока действия срочного трудового договора, заключенного на время исполнения обязанностей отсутствующего работника. Решением Октябрьского районного суда города Омска от 7 августа 2006 г., оставленным без изменения определением судебной коллегии по гражданским делам Омского областного суда от 11 октября 2006 г., В.С. Володиной отказано в удовлетворении иска. Следовательно, предметом рассмотрения спора в суде были правоотношения, регулируемые ст. 79 ТК РФ в редакции от 1 февраля 2002 г. // Интернет-версия системы ГАРАНТ.

⁹ Апелляционное определение Московского городского суда от 2 февраля 2016 г. № 33-3252/2016 // Интернет-версия системы ГАРАНТ.

об испытании может быть включено в трудовой договор, только если стороны оформили его в виде отдельного соглашения до начала работы.

Таким образом, соглашение должно быть оформлено в письменном виде и подписано сторонами до заключения трудового договора — работником и работодателем или лицом, на которого возложены функции, связанные с приемом на работу.

Возникает вопрос, можно ли рассматривать в качестве соглашения разрозненные документы: заявление о приеме на работу, в котором претендент дает согласие на заключение трудового договора с условием об испытании, план работы претендента на время испытательного срока (при условии его утверждения работодателем) с подписью претендента, который подтверждает факт ознакомления с планом работы.

На наш взгляд, указанные документы не являются доказательствами того, что имело место надлежащим образом оформленное соглашение об условии испытании с работником, фактически допущенным к работе без оформления трудового договора. Следует подчеркнуть, что указанные документы не приобретут статус соглашения и при включении условий об испытании в трудовой договор при его заключении с указанным работником, как требует ч. 2 ст. 70 ТК РФ.

Приказ о приеме на работу с указанием информации о заключении трудового договора с условием об испытании, с которым работник ознакомился, нельзя рассматривать как элемент достигнутого соглашения, так как прием на работу оформляется приказом (распоряжением) работодателя, изданным на основании заключенного трудового договора. Содержание приказа (распоряжения) работодателя должно соответствовать условиям заключенного трудового договора (ст. 68 ТК РФ). Ситуация, когда трудовой договор не содержит условия об испытании, а в приказе указано, что работник принят с испытательным сроком, не свидетельствует о факте заключения трудового договора с условием испытании.

Важно отметить, что технические правки трудового договора работодатель не имеет права делать в одностороннем порядке.

Изменение определенных сторонами условий трудового договора допускается только по письменному соглашению сторон трудового договора, за исключением случаев, предусмотренных ТК РФ. К этим исключениям относится условие об ис-

пытании, которое устанавливается только при заключении трудового договора (ст. 72 ТК РФ)¹⁰.

Важное место в процедуре увольнения при неудовлетворительном результате испытания занимают сроки, установленные ч. 1 ст. 71 ТК РФ, согласно которой при неудовлетворительном результате испытания работодатель имеет право до истечения срока испытания расторгнуть трудовой договор с работником, предупредив его об этом в письменной форме не позднее чем за три дня с указанием причин, послуживших основанием для признания этого работника не выдержавшим испытания.

Обе эти гарантии, обеспечивающие защиту прав работника при увольнении, являются обязательными, обеспечивают работнику возможность в случае необходимости аргументированно выразить свои возражения по существу высказанных претензий и определить свое дальнейшее поведение в данной ситуации.

Однако суды, разрешая споры, связанные с увольнением работника по результатам испытания, из этих двух юридически значимых обстоятельств в отдельных случаях предпочтение отдают тому факту, что работник по своим деловым качествам не соответствует поручаемой работе, а также принимают во внимание то, что факт ненадлежащего исполнения работником трудовых обязанностей в период испытания был установлен работодателем непосредственно перед окончанием испытательного срока и работодатель не имел возможности предупредить работника об увольнении по результатам испытания. Фактически суд в этом случае приходит к выводу, что не имеет правового значения несоблюдение работодателем установленного законом императивного срока предупреждения об увольнении не позднее чем за три дня.

Стоит также отметить, что такие действия как предложение или отобрание письменного объяснения по факту нарушения трудовой дисциплины, устное предупреждение об увольнении по результатам испытания не позднее чем за три дня до увольнения работника не имеют правового значения и указанные действия нельзя рассматривать как соблюдение процедуры увольнения, предусмотренной ст. 71

¹⁰ Решение Таганского районного суда по делу № 2-3713/19 и апелляционное определение Судебной коллегии по гражданским делам Московского городского суда по гр. делу № 33-8165/20 // Интернет-версия системы ГАРАНТ.

ТК РФ даже при условии последующего письменного уведомления работника о расторжении трудового договора в связи с неудовлетворительными результатами испытания, которое будет произведено с нарушением установленного срока¹¹.

Таким образом, можно сделать вывод, что оба юридически значимых действия должны быть произведены работодателем не позднее чем за три дня до увольнения работника по результатам испытания.

В этой связи стоит отметить, что в ст. 71 ТК РФ устанавливается упрощенный порядок прекращения трудового договора не только по инициативе работодателя, если речь идет о неудовлетворительном результате испытания, но и по инициативе самого работника, принятого на работу с испытательным сроком.

В соответствии с ч. 4 ст. 71, если принятый на работу с испытательным сроком работник в период испытательного срока придет к выводу, что выполняемая им работа ему не подходит, он вправе расторгнуть трудовой договор, предупредив об этом работодателя письменно за три дня, что

является основанием прекращения трудового договора по собственному желанию работника.

При этом отсчет трехдневных сроков предупреждения, предусмотренных ст. 71 и 79 ТК РФ, начнется со следующего дня после уведомления об увольнении (ст. 14 ТК РФ). Указанные правила исчисления сроков носят императивный характер. Закон предусматривает исключение на случай, когда последний день срока приходится на нерабочий день, тогда днем окончания срока считается ближайший следующий за ним рабочий день (ч. 4 ст. 14).

Если уведомление направлено по почте, то днем, когда работник уведомлен, считается не день его отправления, а день получения уведомления работником¹².

Заключение. Резюмируя изложенное, можно утверждать, что чрезмерно лояльное отношение правоприменителей к императивным срокам и порядку увольнения не способствует правильному разрешению споров и не обеспечивает сохранение баланса интересов сторон трудового договора, государства, не способствует достижению всеобщей пользы.

¹¹ Определение СК по гражданским делам Верховного Суда РФ от 14 августа 2017 г. № 74-КГ17-13; Решение Ленинского районного суда г. Ярославля по делу № 2-433/2017 // СПС «КонсультантПлюс».

¹² Апелляционное определение СК по гражданским делам Верховного Суда Республики Татарстан от 19 мая 2014 г. по делу № 33-6266/2014 // СПС «КонсультантПлюс».

Литература

1. Бондаренко Э.Н. Динамика трудового правоотношения : монография / Э.Н. Бондаренко. Москва : Норма: ИНФРА-М, 2015. 192 с.
2. Грибанов В.П. Сроки в гражданском праве / В.П. Грибанов. Москва : Знание, 1967. 48 с.
3. Комментарий к Трудовому кодексу Российской Федерации / ответственный редактор Ю.П. Орловский. 4-е изд. Москва : Контракт, ИНФРА-М, 2008. 575 с.
4. Орловский Ю.П. 502 актуальных вопроса по Трудовому кодексу Российской Федерации: комментарии и разъяснения : практическое пособие / Ю.П. Орловский, А.Ф. Нуртдинова, Л.А. Чиканова. 3-е изд., перераб. и доп. Москва : Юрайт, 2010. 568 с.
5. Особенности регулирования трудовых отношений в условиях цифровой экономики / под редакцией Ю.П. Орловского, Д.Л. Кузнецова. Москва : Контракт, 2018. 158 с.
6. Реутов С.И. Юридические факты в советском семейном праве : автореферат диссертации кандидата юридических наук / С.И. Реутов. Москва, 1976. 24 с.
7. Трудовое процедурно-процессуальное право / В.Н. Скобелкин, С.В. Передерин, С.Ю. Чуча, Н.Н. Семенюта; под редакцией В.Н. Скобелкина. Воронеж : Изд-во Воронежского государственного университета, 2002. 500 с.
8. Филипова И.А. Особенности правового регулирования труда по законодательству России и Франции. Сравнительное исследование : монография / И.А. Филипова. Нижний Новгород : Нижегородский университет, 2016. 115 с.

Необходимые доказательства в гражданском судопроизводстве

Шакирьянов Рафаиль Валиевич,

доцент кафедры экологического, трудового и гражданского процесса
Казанского (Приволжского) федерального университета,
заслуженный юрист Российской Федерации, кандидат юридических наук
rakat51@mail.ru

Шакирьянова Дания Рафаилевна,

судья Вахитовского районного суда города Казани в отставке
avtor@lawinfo.ru

В статье рассматриваются вопросы, связанные с использованием необходимых доказательств в гражданском судопроизводстве. Анализируются существующие в доктрине, на практике точки зрения в этой области, указывается важность использования всех необходимых доказательств как в суде первой, так и в суде второй инстанции. Утверждается, что непринятие судом второй инстанции дополнительных, необходимых доказательств препятствует суду апелляционной инстанции выполнять задачи гражданского судопроизводства, предлагается на законодательном уровне разрешить суду второй инстанции принять все представленные необходимые, дополнительные доказательства.

Ключевые слова: гражданское судопроизводство, судебная практика, необходимые, дополнительные доказательства, апелляционное производство, недобросовестность лиц, участвующих в деле.

Required Evidence in Civil Proceedings

Rafail V. Shakiryarov

Associate Professor of the Department of Environmental, Labor and Civil Procedure
of the Kazan (Volga Region) Federal University
Honored Lawyer of the Russian Federation, PhD (Law)

Daniya R. Shakiryanova

Judge Emeritus of the Vakhitovsky District Court of Kazan

The article reviews the issues related to the use of indispensable evidence in civil proceedings. The authors analyze the doctrinal and practical opinions in this sphere, note the importance of the use of all required evidence in first as well as in second instance courts. The paper states that a failure to acknowledge any additional, required evidence by a second instance court prevents the court of appeal from performance of tasks of civil proceedings; the authors suggest enshrining at the statutory level the ability of second instance courts to acknowledge any submitted required additional evidence.

Keywords: civil proceedings, judicial practice, required additional evidence, appeal proceedings, unfair practices of parties to a case.

Задачи гражданского судопроизводства, указанные в ст. 2 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации¹, могут быть разрешены лишь при использовании для разрешения спора всех доказательств, и в особенности необходимых доказательств.

В доктрине необходимыми доказательствами признаются полученные в предусмотренном законом порядке сведения о фактах, при отсутствии которых невозможно сделать правильный и достоверный вывод о доказываемых фактах, а следовательно, правильно и

своевременно разрешить рассматриваемый спор.

Вопросу о необходимых доказательствах уделяет свое внимание и Верховный Суд РФ, и в постановлениях Пленума Верховного Суда РФ о судебной практике по отдельным категориям гражданских дел содержатся подробные разъяснения по поводу требуемого круга доказательств, относящихся к делу данной категории, наличие которых необходимо для правильного рассмотрения дела.

Значение необходимых доказательств заключается и в том, что они ориентируют лиц, участвующих в деле,

¹ Далее — ГПК.

на сбор, представление конкретного доказательственного и законодательного материалов, способствуют правильному определению правоотношений, существующих между спорящимися сторонами, при отсутствии в материалах дела необходимых доказательств представляется затруднительным правильное установление этих правоотношений.

Например, граждане строить дорогу, возвести строение могут, находясь с предприятием как в трудовых отношениях, так и работая по договору подряда. Определяющим или необходимым доказательством для определения возникших правоотношений в данном случае являются приказ о приеме на работу для доказательства трудовых отношений или договор подряда, подтверждающий, что спор вытекает из гражданско-правовых отношений.

На это обращается внимание и в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 17 марта 2004 г. № 2 «О применении судами Российской Федерации Трудового кодекса Российской Федерации». Так, в п. 1 этого постановления указывается на то, что при принятии искового заявления судьбе необходимо определить, вытекает ли спор из трудовых правоотношений, т.е. из таких отношений, которые основаны на соглашении между работником и работодателем о личном выполнении работником за плату трудовой функции (работы по определенной специальности, квалификации или должности), подчинении работника правилам внутреннего трудового распорядка при обеспечении работодателем условий труда, предусмотренных трудовым законодательством, коллективным договором, соглашениями, трудовым договором (ст. 15 ТК РФ).

В доктрине признается, что необходимые доказательства являются конкретизацией процессуальной формы доказывания по отдельным категориям дел. Их ценность состоит в том, что они выработаны не только законодателем, но и судебной практикой в ходе многократного применения закона и основаны на значимости для правоприменения².

² Фокина М.А. Механизм доказывания по гражданским делам: теоретико-прикладные проблемы. М., 2010. С. 183.

Как любой вид доказательств, необходимые доказательства не имеют каких-либо преимуществ перед другими доказательствами, они не обладают заранее установленной доказательственной силой. Однако, как указывалось выше, отсутствие необходимых доказательств препятствует суду правильно и своевременно разрешить спор.

В этой связи является важным знание того, какие необходимые доказательства должны быть представлены, собраны по той или иной категории споров. Круг этих доказательств может быть установлен нормами как процессуального, так материального права.

Если в процессуальных нормах содержатся общие правила представления, использования в судопроизводстве необходимых доказательств, то нормы материального права, определяя предмет доказывания, способствуют установлению необходимых доказательств по делу.

В различного рода учебниках, справочниках, пособиях, а также в обобщениях различных судебных инстанций о практике рассмотрения конкретных дел приводится подробный перечень необходимых доказательств по отдельным категориям гражданских дел, освещаются вопросы, касающиеся использования необходимых доказательств.

Так, в Справочнике по доказыванию в гражданском судопроизводстве под редакцией И.В. Решетниковой подробно указывается, какие необходимые доказательства должны быть представлены сторонами в суд по той или иной категории дел.

В справочнике указывается, что, например, по делам о признании завещания недействительным к необходимым доказательствам относятся само завещание, свидетельство о смерти наследодателя, доказательства того, что наследодатель не понимал значения своих действий или не мог ими руководить при составлении завещания³.

И.М. Зайцев с учетом того, что действующее процессуальное законодательство содержит лишь упоминание о необходимых доказательствах и не содержит соответствующих правил их

³ Справочник по доказыванию в гражданском судопроизводстве / под ред. д.ю.н., проф. И.В. Решетниковой. 3-е изд., перераб. М., 2005. С. 137.

установления, предоставления, закрепления и оценки, указывает на то, что необходимые доказательства представляют собой правовое понятие, выработанное судебной практикой⁴.

Следует отметить, что необходимые доказательства отражают внутреннюю сущность доказательств, их внутреннюю связь с предметом доказывания, это происходит из их относимости к исследуемым фактам. Но свойствами относимости, допустимости обладают (должны обладать) и другие, имеющие отношение к делу и принятые для разрешения спора, доказательства, но необходимые доказательства, как указывалось, в силу своей важности имеют особое отношение к предмету доказывания. Поэтому, как представляется, определяющим является внутреннее содержание необходимых доказательств, их информативная значимость для вынесения законного и обоснованного решения по делу⁵.

При отсутствии в исковом заявлении необходимых доказательств исковое заявление на основании ст. 136 ГПК оставляется без движения, поскольку согласно положениям п. 4 ч. 1 ст. 132 ГПК к исковому заявлению должен быть приложен документ (необходимое доказательство), подтверждающий обстоятельства, на которых истец основывает свои требования.

На эти обстоятельства обращается внимание и в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 24 июня 2008 г. № 11 «О подготовке гражданских дел к судебному разбирательству».

Так, в п. 7 этого постановления указывается, что судья при выполнении задачи, связанной с представлением необходимых доказательств, учитывая особенности своего положения в состязательном процессе, обязан уже в стадии подготовки дела создать условия для всестороннего и полного исследования обстоятельств, имеющих значение для правильного разрешения дела.

Принцип состязательности в судопроизводстве вынуждает стороны по

делу представить необходимые доказательства суду для реализации обязанности доказать свои требования и возражения. В процессе рассмотрения дела эти доказательства могут быть представлены сторонами по делу, а также на основе прямого указания закона, в зависимости от вида судопроизводства и категории спора, где прослеживается активная роль суда в процессе доказывания, добыты, истребованы и по инициативе суда.

Так, по гражданским делам, связанным с защитой прав и законных интересов детей, гражданское процессуальное законодательство требует от суда предпринять все меры для обеспечения наиболее полной защиты прав и охраняемых законом интересов детей, независимо от того, поставлены перед судом соответствующие вопросы или нет, при этом действующие законы сохраняют за судом право на собирание доказательств, что свидетельствует об особой заботе государства о защите прав ребенка. Так, суд при подготовке дела об усыновлении ребенка обязывает органы опеки и попечительства представить заключение об обоснованности и соответствии усыновления интересам ребенка, проявляет суд инициативу в назначении и проведении экспертизы, получении ответов на вопросы, касающиеся психического состояния детей и их матери. При расторжении брака суд предпринимает действия, которые необходимы как для рассмотрения вопроса о том, с кем из родителей остаются дети, даже если в иске такое требование не было заявлено, так и о передаче ребенка на воспитание, в случае отказа в иске, несовершеннолетнего на попечение органов опеки и попечительства с тем, чтобы были приняты меры для защиты прав и интересов ребенка и для определения наиболее приемлемого способа устройства дальнейшей его судьбы.

Изложенное вытекает из норм Семейного кодекса РФ, анализа положений постановлений Пленумов Верховного Суда РФ от 27 мая 1998 г. № 10 (ред. от 26.12.2017) «О применении судами законодательства при разрешении споров, связанных с воспитанием детей», от 5 ноября 1998 г. № 15 (ред. от 06.02.2007) «О применении судами законодательства при рассмотрении дел о расторжении брака».

⁴ См.: Зайцев И.М. Понятие необходимых доказательств в гражданском судопроизводстве // Актуальные проблемы теории юридических доказательств. Иркутск, 1984. С. 83–89.

⁵ Шараева Е.А. Роль и значение необходимых доказательств в арбитражном процессе: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2009. С. 18.

Точка зрения процессуалистов, практика применения необходимых доказательств свидетельствует о том, что необходимые доказательства имеют большое значение и для работы судов апелляционной инстанции.

При этом следует учесть, что судьба дополнительно представленных в суд второй инстанции необходимых доказательств связана с режимом работы суда апелляционной инстанции.

Так, при работе суда второй инстанции по правилам работы полной апелляции дополнительно представленные, в том числе и необходимые, доказательства принимаются без ограничений.

Правила, содержащиеся в абз. 2 ч. 1 ст. 327.1 ГПК, действуют лишь при работе суда второй инстанции в режиме неполной апелляции.

Так, на основании абз. 2 ч. 1 ст. 327.1 ГПК суд апелляционной инстанции оценивает имеющиеся в деле, а также дополнительно представленные доказательства. Дополнительные доказательства принимаются судом апелляционной инстанции, если лицо, участвующее в деле, обосновало невозможность их представления в суд первой инстанции по причинам, не зависящим от него, и суд признает эти причины уважительными.

Представляется, что требования закона о принятии судом второй инстанции доказательств, не представленных в суд лишь по уважительной причине, не в полной мере отвечают задачам гражданского судопроизводства.

Работа суда апелляционной инстанции направлена на выявление допущенных судом первой инстанции ошибок и их устранение, на защиту прав и охраняемых законом интересов лиц, участвующих в деле.

Отвечает ли ограничение в принятии дополнительных доказательств судом второй инстанции выполнению этих задач — представляется, что нет.

Поэтому, на наш взгляд, дополнительные доказательства судом апелляционной инстанции должны приниматься во всех случаях, независимо от причины их непредставления в суд первой инстанции⁶, и подобная точка зрения

⁶ См. более подробно: Шакирьянов Р.В. Представление дополнительных (новых) доказательств в суд апелляционной инстанции: историко-

поддерживается многими процессуалистами⁷.

Апелляционная инстанция должна предпринять все меры, совершить все необходимые процессуальные действия по достижению целей правосудия.

Как правило, процессуалисты отказ в принятии дополнительных доказательств судом второй инстанции обосновывают недобросовестным поведением участвующего в деле лица, представившего новое доказательство специально лишь в суд апелляционной инстанции⁸.

Эти доводы не могут послужить основанием для отказа в принятии дополнительных доказательств, так как в судебной практике подобные примеры встречаются крайне редко, на что обоснованно, указывая, что практически ему это не удалось, обращает внимание и М.Ш. Пацация⁹. Не случайно поэтому противниками принятия дополнительных доказательств в суде второй инстанции эти примеры, как правило, и не приводятся¹⁰.

Кроме того, в отношении лиц, недобросовестно пользующихся своими процессуальными правами при представлении дополнительных доказательств, могут быть приняты различные меры воздействия. Это может быть возложение на лиц, недобросовестно пользующихся своими процессуальными правами, судебных расходов, публикация данных этих лиц в определенном средстве массовой информации, создание реестра лиц, злоупотребляющих процессуальными правами¹¹.

правовой анализ и современные проблемы (к десятилетнему юбилею ГПК РФ) // Вестник гражданского процесса. 2013. № 4. С. 83–119.

⁷ См.: Фурсов Д.А. Предмет, система и основные принципы арбитражного процессуального права (проблемы теории и практики). М., 1999. С. 179; Жукова О.В. Кассационное производство в гражданском процессе. Тверь, 2005. С. 5; Терехова Т.А. Система пересмотра судебных актов в механизме судебной защиты, М., 2007. С. 196; Пацация М.Ш. Процессуальная деятельность проверочных инстанций арбитражного суда. М., 2008. С. 443.

⁸ Морозова А. С. Полномочия арбитражного апелляционного суда. М., 2016. С. 83.

⁹ Пацация М.Ш. Указ соч. С. 443.

¹⁰ См., напр., Морозова А.С. Указ соч. С. 83; Фокина М.А. Механизм доказывания по гражданским делам: теоретико-прикладные проблемы. М., 2010. С. 430.

¹¹ См. Пацация М.Ш. Указ. соч. С. 478–480.

Выше говорилось о том, что согласно действующим законам судом второй инстанции дополнительные доказательства принимаются, если лицо, участвующее в деле, обосновало невозможность их представления в суд первой инстанции по уважительным причинам.

Однако, по мнению М.А. Фокиной, лишь простое указание в законе на наличие уважительных причин для принятия дополнительных доказательств является недостаточным. В этой связи ею предлагается на законодательном уровне определить условия представления дополнительных доказательств в суд второй инстанции¹², анализ которых показывает, что отказ в принятии дополнительных доказательств станет возможным лишь при доказанности недобросовестности заявителя.

В этой связи В.М. Шерстюк указывает, что поскольку доказать недобросовестность заявителя невозможно, то имеются основания полагать, что теперь, по существу, нет никаких ограничений на представление дополнительных доказательств в апелляционную инстанцию¹³.

По обоснованному мнению М.А. Алискерова¹⁴, категоричность отказа законодателя в принятии дополнительных доказательств не соответствует принципам социального государства и задаче правильного разрешения дела.

Не совсем убедительным представляется точка зрения и И.В. Решетниковой о том, что допуск судом второй инстанции новых доказательств в нарушение этого запрета — это использование недопустимых доказательств, в результате чего судебный акт не может быть признан законным и обоснованным¹⁵.

Так, из редакции ч. 2 ст. 327-1 ГПК следует, что решение о принятии дополнительных (новых) доказательств с выяснением причин их непредставления в суд первой инстанции зависит от судебского усмотрения, а потому принятые соот-

ветствующим определением суда апелляционной инстанции дополнительные доказательства не могут быть признаны недопустимым доказательством.

Кроме того, Пленум Высшего Арбитражного суда РФ, разъясняя положение закона о принятии дополнительных доказательств судом апелляционной инстанции, указал, что принятие дополнительных доказательств не является основанием для отмены постановления суда апелляционной инстанции; в то время как непринятие судом новых доказательств при наличии к тому оснований может являться основанием для отмены постановления суда апелляционной инстанции, если это привело или могло привести к вынесению неправильного постановления¹⁶.

Необходимость принятия судом апелляционной инстанции всех представленных доказательств особо ярко проявляется на примере работы судов с необходимыми доказательствами.

Так, необходимыми признаются доказательства, при отсутствии которых в деле не может быть правильно разрешен спор, а потому они во всяком положении дела должны приниматься.

Дело о расторжении брака не может быть рассмотрено без свидетельства о заключении брака, спор о восстановлении на работе — без копий приказов о приеме и увольнении с работы, и поэтому трудно себе представить, каким образом суд апелляционной инстанции при отсутствии в деле этих необходимых доказательств будет отказывать в их принятии только потому, что их должны были представить в суд первой инстанции.

Или, например, как будет отказывать суд апелляционной инстанции в принятии дополнительного необходимого доказательства, если истец лишь после рассмотрения дела районным судом обнаружит, найдет доказательство, например, докладную начальника участка в бухгалтерию о рабочих днях истца для начисления заработной платы, свидетельствующую о том, что истец фактически был допущен на работу, однако

¹² Фокина М.А. Указ. соч. С. 428.

¹³ Шерстюк В.М. Комментарий к постановлению Пленума Высшего арбитражного суда Российской Федерации по вопросам арбитражного процессуального права. М., 2000. С. 95.

¹⁴ Алискеров М.А. Состязательный гражданский процесс в правовом социальном государстве. М., 2019. С. 186.

¹⁵ Решетникова И.В. Доказывание в гражданском процессе: учеб.-практ. пособие. М., 2011. С. 353.

¹⁶ См.: Пункт 26 постановления Пленума Высшего Арбитражного суда РФ от 28 мая 2009 г. № 36 «О применении Арбитражного процессуального кодекса РФ при рассмотрении дел в арбитражном суде апелляционной инстанции» // Вестник ВАС РФ. 2009. № 8.

ему необоснованно было отказано в заключении трудового договора.

Выше указывалось, что при разрешении споров о воспитании детей родителями суд активен, эти дела рассматриваются по следственно-состязательной модели судопроизводства. С учетом этого как быть с доказательствами, которые суд сам должен был истребовать, однако этого не сделал, и в суд второй инстанции эти необходимые доказательства были представлены заинтересованной в их приобщении стороной по делу.

Отказ суда второй инстанции от дополнительных доказательств препятствует выполнению задач гражданского судопроизводства, установлению истины по делу, поэтому ограничительные положения ч. 2 п. 1 ст. 327-1 ГПК о при-

нятии дополнительных доказательств лишь в случае обоснования причин их непредставления в суд первой инстанции должны быть пересмотрены.

С учетом этого ч. 2 п. 1 ст. 327-1 ГПК должна быть изменена и изложена в следующей редакции.

Суд апелляционной инстанции оценивает имеющиеся в деле, а также дополнительно представленные доказательства. О принятии новых доказательств суд апелляционной инстанции выносит определение.

Представляется, что эти внесенные изменения будут способствовать дальнейшему повышению эффективности правосудия, защите законом охраняемых прав и личных свобод граждан, организаций.

Литература

1. Алиэскеров М.А. Состязательный гражданский процесс в правовом социальном государстве : монография / М.А. Алиэскеров. Москва : Норма: Инфра-М, 2019. 238 с.
2. Жукова О.В. Кассационное производство в гражданском процессе / О.В. Жукова. Тверь. 2005. 220 с.
3. Зайцев И.М. Понятие необходимых доказательств в гражданском судопроизводстве / И.М. Зайцев // Актуальные проблемы теории юридических доказательств : сборник / ответственный редактор В.А. Семеусов. Иркутск : Изд-во Иркутского университета, 1984. С. 83–89.
4. Морозова А.С. Полномочия арбитражного апелляционного суда : монография / А.С. Морозова. Москва : Юрлитинформ, 2016. 179 с.
5. Пацация М.Ш. Процессуальная деятельность проверочных инстанций арбитражного суда. Проблемы эффективности / М.Ш. Пацация. Москва : Маска, 2008. 695 с.
6. Решетникова И.В. Доказывание в гражданском процессе : учебно-практическое пособие / И.В. Решетникова. Москва : Юрайт, 2011. 503 с.
7. Справочник по доказыванию в гражданском судопроизводстве / под редакцией И.В. Решетниковой. 3-е изд., перераб. Москва : Норма, 2005. 455 с.
8. Терехова Т.А. Система пересмотра судебных актов в механизме судебной защиты / Т.А. Терехова. Москва : Волтерс Клувер, 2007. 320 с.
9. Фокина М.А. Механизм доказывания по гражданским делам: теоретико-прикладные проблемы : монография / М.А. Фокина. Москва : Новый индекс, 2010. 621 с.
10. Фурсов Д.А. Предмет, система и основные принципы арбитражного процессуального права (проблемы теории и практики) / Д.А. Фурсов. Москва : ИНФРА-М, 1999. 499 с.
11. Шакирьянов Р.В. Представление дополнительных (новых) доказательств в суд апелляционной инстанции: историко-правовой анализ и современные проблемы (к десятилетнему юбилею ГПК РФ) / Р.В. Шакирьянов // Вестник гражданского процесса. 2013. № 4. С. 83–119.
12. Шараева Е.А. Роль и значение необходимых доказательств в арбитражном процессе : автореферат диссертации кандидата юридических наук / Е.А. Шараева. Саратов, 2009. 22 с.
13. Шерстюк В.М. Комментарий к постановлению Пленума Высшего арбитражного суда Российской Федерации по вопросам арбитражного процессуального права / В.М. Шерстюк. Москва : Академия народного хозяйства при Правительстве Российской Федерации: Дело, 2000. 206 с.

Общественная опасность «насильственного» и «вооруженного» хулиганства: проблемы законодательной техники и правоприменения

Жадяева Марина Александровна,

доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин
Саранского кооперативного института Российского университета кооперации,
кандидат юридических наук, доцент
marina_zjadyaeva@mail.ru

Янина Ирина Юрьевна,

доцент кафедры уголовного права
Российского государственного университета правосудия,
кандидат юридических наук
yanina_j@bk.ru

Законодательные изменения в части регламентации уголовной ответственности за хулиганство вызвали сложности установления криминообразующих признаков состава, изложенных в п. «а» ч. 1 ст. 213 УК РФ. В статье сформулированы разъяснения практического характера, касающиеся правил разграничения «насильственного» хулиганства со смежными составами преступлений против здоровья.

Ключевые слова: объект уголовно-правовой охраны, «насильственное» хулиганство, «вооруженное» хулиганство, общественная опасность, криминообразующие признаки, насилие, применение оружия.

The Social Danger of “Violent” and “Armed” Hooliganism: Issues of Legislative Technique and Law Enforcement

Marina A. Zhadyaeva

Associate Professor of the Department of Criminal and Legal Disciplines
of the Saransk Cooperative Institute of the Russian University of Cooperation
PhD (Law), Associate Professor

Irina Yu. Yanina

Associate Professor of the Department of Criminal Law
of the Russian State University of Justice
PhD (Law)

Legislative changes regarding the regulation of criminal liability for hooliganism have caused difficulties in establishing criminally forming signs of the composition set forth in paragraph “a” of Part 1 of Art. 213 of the Criminal Code of the Russian Federation. The article formulates explanations of a practical nature concerning the rules for differentiating “violent” hooliganism with related elements of crimes against health.

Keywords: the object of criminal law protection, «violent» hooliganism, «armed» hooliganism, public danger, criminally-forming signs, violence, the use of weapons.

Хулиганство относится к преступлениям, которые посягают на общественный порядок. Значительная часть этих деяний состоит в насилии над личностью либо предопределяет дальнейшее совершение преступлений против личности.

Хулиганство имеет почти вековую историю в российском законодательстве,

однако, несмотря на это, четких понятий, которые характеризовали бы рассматриваемое преступление, юридической наукой и правоприменительной практикой до сих пор не разработано. Многие признаки вызывают проблемы при применении, поскольку являются оценочными и не имеют четких критериев;

отсутствует и единая дефиниция хулиганства.

В словаре С.И. Ожегова указывается, что происхождение слова «хулиганство» связано с такими терминами, как «хула», «хулить», т.е. поднимать шум, ругаться и браниться¹.

В законодательстве термин «хулиганство» появился в УК РСФСР 1922 г., где определялся как озорные, бесцельные действия, которые сопряжены с проявлением неуважения ко всему обществу в целом или к отдельным его гражданам. Данное преступление было включено в число преступлений против жизни, здоровья и чести².

Хулиганские побуждения — это желание субъекта открыто заявить о себе, о своем неприятии общественных устоев, намерение позиционировать жестокость, намерение действовать буйно и чинить бесчинства, желание мстить даже за самую мелкую, незначительную обиду; желание выразить презрение обществу ввиду отсутствия уважения к нему; желание показать, что открыто можно игнорировать принятые в обществе правила поведения; намерение сделать демонстративный вызов окружающей действительности, тем самым показать, что он противопоставляет свои личные интересы общественным, желание показать возможность вседозволенности, намерение самоутвердиться и т.д.³

Как правило, эти преступления характерны для лиц в возрасте до тридцати лет. В большинстве случаев хулиганство происходит после употребления алкоголя в общественных местах. Явное неуважение к обществу свидетельствует о низкой социальной ответственности лиц, нигилистическом отношении к порядку, человеческим ценностям.

¹ Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка. М., 2011. С. 627.

² УК РСФСР 1922 г. (утратило силу). URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=3006#t0K11kSkGUVSjTQB> (дата обращения: 25.09.2021).

³ Машинистова Н.Н. Проблемные вопросы понятия хулиганства в уголовном праве // Инновации. Наука. Образование. 2021. № 36. С. 895–898.

Соответственно под хулиганством следует понимать такое нарушение общественного порядка, которое негативно сказывается на функционировании общественных отношений, отклоняется от стандартных правил поведения и идет вразрез с нравственными нормами, а также действующим законодательством.

Хулиганство составляет небольшую, но устойчивую долю в преступлениях против общественной безопасности и общественного порядка. При этом в 2020 г. отмечался рост количества выявленных лиц, совершивших хулиганские действия⁴.

Проблемы разграничения хулиганства часто становились предметом научной дискуссии⁵.

Норма п. «а» ч. 1 ст. 213 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ) позволяет высказать сомнение относительно признака общественной опасности действий лица. И если ответственность за применение насилия еще можно объяснить в ходе грубого нарушения общественного порядка, выражающего явное неуважение к обществу, то представляется сомнительным усмотреть признаки преступления в действиях лица-хулигана, высказывающего угрозу нанесения вреда.

По данным правоприменительной практики, при квалификации хулиганства и причинения вреда здоровью в основе обвинения описывают признаки одного деяния. При этом в идеальной совокупности подразумевается признание одного действия или бездействия, в котором содержатся квалифицирующие признаки нескольких составов преступных деяний.

⁴ Состояния преступности в Российской Федерации за январь-июль 2021 года. URL: <https://xn--b1aew.xn--plai/reports/item/25443630/> (дата обращения: 19.09.2021).

⁵ Грачева Ю.В. Хулиганство: изменение закона не исключило проблемы правоприменения // Уголовное право. 2021. № 8 (132). С. 3–11; Ступина С.А. К вопросу о квалификации хулиганства, совершенного с применением насилия к гражданам либо угрозой его применения // Евразийский юридический журнал. 2021. № 4 (155). С. 273–275; Шарапов Р.Д. Хулиганство // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2020. № 1 (51). С. 21–28.

Так, президиум Белгородского областного суда приговор Новооскольского районного суда отменил в связи с тем, что в описательной части приговора действия С. по п. «а» ч. 1 ст. 213 и ч. 1 ст. 119 УК РФ были описаны единообразно, указан один мотив, предмет и объект преступления, а также объективная сторона преступлений и единый способ их совершения⁶. Это еще раз подтверждает вывод о том, что на практике встречаются проблемы с квалификацией по совокупности этих преступлений.

Выделение хулиганского мотива в качестве квалифицирующего признака во многих статьях УК РФ свидетельствует о том, что указанный признак часто встречается на практике, чем вызывает необходимость его криминализации.

Вместе с тем хулиганство воздействует на отношения, нормативно определяющие поведение людей в процессе социальной жизнедеятельности, а это по своей сути самые различные отношения, в этом и заключается особенность хулиганства. Хулиганы используют малозначительный повод к совершению преступления.

Хулиганский мотив формируется в непосредственной ситуации, он непредсказуем, неизвестно изначально, на что или на кого будут направлены действия лица (на отношения собственности, на личность и т.д.), оно совершается в общественном месте, что создает угрозу иным лицам⁷. Так, например, хулиганству, в отличие от вандализма, присущ хулиганский мотив, а вандализм может быть совершен и по иным мотивам.

В научной литературе вопрос разграничения личных и хулиганских мотивов также нашел свое отражение. В частности, когда виновный направляет свои действия на конкретную личность, то он, как правило, заранее обдумывает свои действия, планируя их реализацию. Если объектом преступления становятся

отношения общественного порядка, то действия хулигана в большинстве случаев не последовательны, нелогичны и хаотичны.

Судебная практика выработала определенные критерии и по вопросам отграничения хулиганства от ч. 2 ст. 167 УК РФ. В том случае если действия виновного совпадают с признаками преступления, указанными в данной норме, то их следует квалифицировать только по этой статье. При этом если лицом совершаются иные действия, помимо уничтожения имущества, то их необходимо квалифицировать совместно с ч. 2 ст. 167 УК РФ. В свою очередь расчет значительного ущерба высчитывается из стоимости данного имущества, его значения и материальной обеспеченности потерпевшего⁸.

В связи с принятием Федерального закона от 30 декабря 2020 г. № 543-ФЗ в ст. 213 УК РФ, предусматривающую уголовную ответственность за хулиганство, внесены существенные изменения. В частности, законодатель в п. «а» ч. 1 ст. 213 УК РФ закрепил кардинально новый вид хулиганских действий — «насильственное» хулиганство.

В пояснительной записке к законопроекту о внесении изменений в ст. 213 УК РФ⁹ указано, что «насильственное» хулиганство обладает повышенной общественной опасностью, но остается за рамками уголовно-правового регулирования в тех случаях, когда хулиганство совершается без криминообразующих признаков, указанных в п. «а», «б» и «в» ч. 1 ст. 213 УК РФ.

⁸ Афанасьев П.Б., Смирнов Н.Н. Проблемы разграничения хулиганства и смежных составов преступлений // Проблемы развития современного общества : сборник научных статей 6-й Всероссийской национальной научно-практической конференции (г. Курск, 22 января 2021 г.). В 3 томах. Т. 2 / под ред. В.М. Кузьминой. Курск : Юго-Западный государственный университет, 2021. С. 141.

⁹ Пояснительная записка к проекту федерального закона 1074941-7 «О внесении изменений в статью 213 Уголовного кодекса Российской Федерации» // Официальный сайт Государственной Думы Российской Федерации. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/1074941-7> (дата обращения: 17.09.2021).

⁶ Постановление Президиума Белгородского областного суда. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/FzvMw7l1ZjL5/> (дата обращения: 22.09.2021).

⁷ Минниханов Р.Р. Уголовно-правовая характеристика и проблемы квалификации хулиганства : маг. дис. Тольятти, 2021. С. 79.

Кроме того, по мнению субъекта, обладающего правом законодательной инициативы, — депутата Д.Ф. Вяткина, степень общественной опасности «вооруженного» хулиганства выше степени общественной опасности «насильственного» хулиганства, в связи с чем «вооруженное» хулиганство необходимо предусмотреть в ч. 2 ст. 213 УК РФ. Следует вспомнить, что до принятия соответствующих законодательных нововведений «вооруженное» хулиганство регламентировалось п. «а» ч. 1 ст. 213 УК РФ, применительно к которому законодатель счел необходимым изменить категорию преступления — с преступления средней тяжести до тяжкого. Исходя из буквального прочтения текста пояснительной записки к законопроекту о внесении изменений в ст. 213 УК РФ¹⁰, не представляется возможным установить критерии признания повышенной степени общественной опасности «вооруженного» хулиганства по отношению к «насильственному» хулиганству, в силу того обстоятельства, что соответствующие критерии в данном документе не указаны.

Думается, в действительности ситуация со степенью общественной опасности «вооруженного» и «насильственного» хулиганства обстоит в точности наоборот — т.е. степень общественной опасности «насильственного» хулиганства превышает степень общественной опасности «вооруженного хулиганства». Для того чтобы в этом убедиться, обратимся к объекту составов хулиганства, регламентированных п. «а» ч. 1 и ч. 2 ст. 213 УК РФ.

Несмотря на то обстоятельство, что «насильственное» и «вооруженное» хулиганство совпадают по основному непосредственному объекту (общественный порядок), данные составы преступных деяний направлены на причинение вреда различным по степени общественной опасности дополнительным объектам уголовно-правовой охраны. Так, дополнительным объектом «насильственного»

¹⁰ См. также: пояснительная записка к проекту федерального закона 1074941-7.

хулиганства выступает здоровье; «вооруженного» хулиганства — общественная безопасность. С позиции действующего уголовного законодательства здоровье, как объект уголовно-правовой охраны, признается более ценным объектом уголовно-правовой охраны по отношению к такому объекту, как общественная безопасность, поскольку система объектов уголовно-правовой охраны выстроена по принципам:

- 1) охрана личности от преступных посягательств;
- 2) охраны общества от преступных посягательств;
- 3) охрана государства от преступных посягательств.

В этой связи, на наш взгляд, не представляется возможным согласиться с позицией законодателя в части закрепления в п. «а» ч. 1 ст. 213 УК РФ криминообразующего признака — насилия к гражданам; применения оружия либо предметов, используемых в качестве оружия, — в ч. 2 ст. 213 УК РФ, а не в п. «а» ч. 1 ст. 213 УК РФ, как это регламентировалось до принятия Федерального закона от 30 декабря 2020 г. № 543-ФЗ. Соответствующие законодательные нововведения напрямую противоречат принципу справедливости (ст. 6 УК РФ), поскольку такое расположение криминообразующих признаков состава хулиганства — насилия к гражданам в рамках основного состава (п. «а» ч. 1 ст. 213 УК РФ), применения оружия либо предметов, используемых в качестве оружия, — в рамках квалифицированного состава (ч. 2 ст. 213 УК РФ) не отражает действительного положения их степени общественной опасности.

Установление состава хулиганства имеет ряд проблем теоретического и практического характера, в связи с чем представителями научного сообщества неоднократно высказывалась точка зрения о необходимости декриминализации хулиганства¹¹. В частности, в контексте

¹¹ Аистова Л.С. Хулиганство как преступление против личности // Криминалист. 2010. № 1 (6). С. 35; Иванов Н.Г. Хулиганство как преступление: критический взгляд // Государство и право. 2009. № 6. С. 53.

нормы п. «а» ч. 2 ст. 213 УК РФ не вполне ясно упоминается законодателем в качестве потерпевшего «граждан». Представляется, что применение множественного числа в этом случае может не позволить применить эту норму в отношении одного гражданина. На наш взгляд, было бы правильным включить термин «лицо», который бы обозначил и потерпевшего, и гражданина одновременно. Либо, как отмечается в литературе, «вообще отказаться от какого-либо указания на такового, поскольку насилие возможно адресовать только физическому лицу, равно как и угрозу»¹².

В продолжение анализа законодательных новшеств 2020 г., внесенных в ст. 213 УК РФ, следует обратить внимание не только на законодательные неточности, допущенные при изменении категории «вооруженного» хулиганства, но и на спорные вопросы, с которыми непременно столкнутся правоприменители в процессе квалификации хулиганства по признакам, закрепленным в п. «а» ч. 1 ст. 213 УК РФ.

Хулиганство подпадает под признаки состава, предусмотренного п. «а» ч. 1 ст. 213 УК РФ, в случаях применения насилия к гражданам. И здесь возникает закономерный вопрос о характере такого насилия. В силу того обстоятельства, что в п. «а» ч. 1 ст. 213 УК РФ законодатель не конкретизирует вид насилия, представляется, что хулиганство может осуществляться как с применением насилия, опасного для жизни или здоровья, так и с применением насилия, не опасного для жизни или здоровья.

Позиция высшей судебной инстанции в части толкования опасного и не опасного насилия наталкивает на мысль о том, что оба вида насилия составляют содержание п. «а» ч. 1 ст. 213 УК РФ. В ситуациях, когда хулиганство совершается с применением насилия, опасного для граждан, смежными составами п. «а»

ч. 1 ст. 213 УК РФ выступают составы преступлений, предусмотренные п. «д» ч. 2 ст. 111, п. «д» ч. 2 ст. 112, п. «а» ч. 2 ст. 115 УК РФ; в случаях, когда хулиганство осуществляется с применением насилия, не опасного для граждан — состав преступления, закрепленный ст. 116 УК РФ.

В первом случае, на наш взгляд, разграничить хулиганство, совершенное с применением насилия, опасного для граждан, и преступления против здоровья, совершенные из хулиганских побуждений, не представляется возможным, поскольку приоритет будет отдаваться более ценному объекту, находящемуся под охраной уголовного закона, — здоровью (п. «д» ч. 2 ст. 111, п. «д» ч. 2 ст. 112, п. «а» ч. 2 ст. 115 УК РФ являются специальными уголовно-правовыми нормами по отношению к п. «а» ч. 1 ст. 213 УК РФ); во втором случае, когда хулиганство совершается с применением насилия, не опасного для граждан, — также здоровью (ст. 116 УК РФ — специальная норма, п. «а» ч. 1 ст. 213 УК РФ — общая).

В этой связи представляется нецелесообразным закрепление в п. «а» ч. 1 ст. 213 УК РФ такого криминообразующего признака, как «применение насилия к гражданам».

По сути, в связи с последними законодательными изменениями, касающимися уголовной ответственности за хулиганство, квалифицировать деяния по п. «а» ч. 1 ст. 213 УК РФ представляется возможным только в тех случаях, когда хулиганство совершается с угрозой применения насилия к гражданам, поскольку хулиганские побуждения из числа обозначенных нами смежных составов преступлений против здоровья не являются атрибутивным признаком состава преступления, предусмотренного ст. 119 УК РФ. В ситуациях, когда хулиганство совершено с применением насилия к гражданам, фактически действия будут квалифицироваться в зависимости от наступивших последствий: при причинении тяжкого вреда здоровью — по п. «д» ч. 2 ст. 111 УК РФ; при причи-

¹² Лихолетов А.А., Лихолетов Е.А. Модернизация нормы об уголовной ответственности за хулиганство: аргументы за и против // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2021. № 2 (57). С. 63.

нении средней тяжести вреда здоровью — по п. «д» ч. 2 ст. 112 УК РФ; при причинении легкого вреда здоровью — по п. «а» ч. 2 ст. 115 УК РФ; при причинении побоев и иной физической боли — по ст. 116 УК РФ.

В целях оптимизации правоприменительной практики было бы верным Пленуму Верховного Суда РФ дать разъяснения, предусмотрев п. 3.1 следующего содержания:

«При квалификации действий лица по п. «а» ч. 1 ст. 213 УК РФ следует устанавливать характер насилия, примененного к гражданам, а также характер угрозы его применения.»

Под насилием следует понимать насилие, опасное для жизни и здоровья человека, и насилие, не опасное для жизни и здоровья человека.

В случаях, когда при совершении хулиганства лицо применяет насилие, опасное или не опасное для жизни или здоровья граждан, содеянное следует квалифицировать по соответствующим преступлениям против здоровья (п. «д» ч. 2 ст. 111, п. «д» ч. 2 ст. 112, п. «а» ч. 2 ст. 115, ст. 116 УК РФ).

В случаях, когда хулиганство совершается с угрозой применения насилия к гражданам, дополнительная квалификация по ст. 119 УК РФ не требуется.»

Литература

1. Аистова Л.С. Хулиганство как преступление против личности / Л.С. Аистова // Криминалист. 2010. № 1 (6). С. 34–38.
2. Афанасьев П.Б. Проблемы разграничения хулиганства и смежных составов преступлений / П.Б. Афанасьев, Н.Н. Смирнов // Проблемы развития современного общества : сборник научных статей 6-й Всероссийской национальной научно-практической конференции (г. Курск, 22 января 2021 г.). В 3 томах. Т. 2 / под редакцией В.М. Кузьминой. Курск : Юго-Западный государственный университет, 2021. С. 137–140.
3. Грачева Ю.В. Хулиганство: изменение закона не исключило проблемы правоприменения / Ю.В. Грачева // Уголовное право. 2021. № 8 (132). С. 3–11.
4. Иванов Н.Г. Хулиганство как преступление: критический взгляд / Н.Г. Иванов // Государство и право. 2009. № 6. С. 53–61.
5. Лихолетов А.А. Модернизация нормы об уголовной ответственности за хулиганство: аргументы за и против / А.А. Лихолетов, Е.А. Лихолетов // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2021. № 2 (57). С. 61–66.
6. Машинистова Н.Н. Проблемные вопросы понятия хулиганства в уголовном праве / Н.Н. Машинистова // Инновации. Наука. Образование. 2021. № 36. С. 895–898.
7. Минниханов Р.Р. Уголовно-правовая характеристика и проблемы квалификации хулиганства : магистерская диссертация / Р.Р. Минниханов. Тольятти, 2021. 110 с.
8. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка / С.И. Ожегов. Москва : Мир и образование: Оникс, 2012. 1375 с.
9. Ступина С.А. К вопросу о квалификации хулиганства, совершенного с применением насилия к гражданам либо угрозой его применения / С.А. Ступина // Евразийский юридический журнал. 2021. № 4 (155). С. 273–275.
10. Шарапов Р.Д. Хулиганство / Р.Д. Шарапов // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2020. № 1 (51). С. 21–28.

Прокурор как участник медиативных процедур в уголовном процессе Российской Федерации

Градский Владимир Евгеньевич,

преподаватель кафедры гражданско-правовых дисциплин

Уральского юридического института Министерства внутренних дел Российской Федерации,
лейтенант полиции

gradskij-v@mail.ru

Автор статьи размышляет о роли прокурора в становлении новой для российского законодательства процедуры медиации в рамках уголовного процесса. Предложена теоретическая модель, при которой возможно участие прокурора в альтернативных процедурах. Сделаны выводы о внесении изменений в нормативно-правовые акты Российской Федерации.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, процедуры примирения, медиация, прокурор, прокурорская медиация.

A Prosecutor as a Party to Mediation Proceedings in the Criminal Procedure of the Russian Federation

Vladimir E. Gradsky

Lecturer of the Department of Civil and Legal Disciplines

of the Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation

Police Lieutenant

The author of the article dwells upon the role of the prosecutor in the formation of a new mediation procedure for Russian legislation. A theoretical model is proposed in which the participation of the prosecutor in alternative procedures is possible. Conclusions are made on the introduction of the possible changes in the legal acts of the Russian Federation.

Keywords: criminal proceedings, conciliation procedures, mediation, prosecutor, prosecutor's mediation.

Складывающаяся практика медиативных процедур показывает трудный, непростой путь развития альтернативных способов урегулирования споров в Российской Федерации. Одной из самых сложных отраслей применения процедур медиации является уголовный процесс. Это обусловлено рядом специфических причин, в том числе правового характера. Успешное развитие примирения в нашей стране сопряжено с участием в такой процедуре прокурора как субъекта правообеспечительной деятельности.

По данному поводу Л.Г. Татьяна пишет, что действительно научный и практический интерес представляет тот факт, что прокурор, осуществляя надзор и процессуальное руководство расследованием, наделен широким кругом дискреционных полномочий¹. Такой вывод напрашивается и в результате анализа статей четвертой

главы Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (далее — УПК РФ), регламентирующих прекращение уголовного дела по различным основаниям. Определяющую роль в части таких решений берет на себя прокурор. Именно благодаря ему привносится альтернатива при осуществлении функции уголовного преследования. Прокуратура, выдвигая и поддерживая обвинение, может принимать во внимание тактические, экономические обстоятельства в целях обеспечения баланса публичных интересов и защиты прав и свобод человека и гражданина. Обвинительная власть может ставить вопрос и о целесообразности уголовного преследования. Из этого следует, что при принятии решения о прекращении уголовного преследования у компетентных должностных лиц есть право выбора из нескольких возможных, а не обязанность выполнить конкретную установку, как следствие, они руководствуются принципом «целесообразности», который не закреплен в Российской Федерации на законодательном уровне.

¹ Татьяна Л.Г. Уголовно-процессуальные правоотношения прокурора и руководителя следственного органа: проблемы и пути их решения // Уголовное судопроизводство: теория и практика. М. : Юрайт, 2011. С. 431–435.

Х.Д. Аликперов определяет, что только прокурор является субъектом целесообразности, ему предоставлено полномочие дать предварительную оценку результатов досудебного сотрудничества с обвиняемым, изложив ее в представлении, предусмотренном ст. 317.5 УПК РФ². Мы разделяем мнение ученого, однако считаем, что без гармоничного сочетания принципов законности и целесообразности в деятельности прокурора невозможно совершенствование российского уголовного судопроизводства и развитие альтернативных форм разрешения уголовно-правового конфликта. По общему правилу при выборе уголовно-процессуальных средств прокурор руководствуется публичным интересом, несмотря на это, компромиссы с обвиняемым вполне допустимы. А.А. Давлетов в одной из своих работ утверждает, что институт прекращения уголовных дел в настоящее время должным образом не обеспечен и не выполняет своего прямого назначения, основная причина — превалирующий публичный интерес³.

Следует отметить, что круг субъектов, привлекаемых к процедуре медиации в зарубежных странах, весьма разнообразен. Начиная от сотрудников полиции и судей и заканчивая специализированными органами, созданными непосредственно для примирения, одним из участников медиации является прокурор.

Положительный опыт участия прокурора в медиативных процедурах существует в ряде европейских стран. В частности, в Германии согласно § 155a УПК прокурор или судья соответственно стадиям процесса обязаны выявлять возможность применения медиации, поэтому они наделены правом инициирования процесса медиации⁴.

В Польше медиация возможна на досудебной стадии. Право направлять дела на медиацию имеет полиция (§ 1 ст. 23a, § 2 ст. 325i УПК Польши), про-

курор (§ 1 ст. 23a УПК Польши)⁵. По делам частного-публичного обвинения примирение посредством медиации на досудебной стадии влечет за собой прекращение уголовного дела, но с согласия прокурора (§ 3 ст. 12 УПК Польши).

Рассмотрим подробнее правовой статус прокурора в уголовном процессе Франции. Как отмечает А.Ю. Чурикова, во французской судебной системе в силу принципа целесообразности уголовного преследования прокурор является единственным должностным лицом, чье решение является главным при применении альтернативных мер разрешения конфликта. Данная особенность породила бурную дискуссию о квазисудебных задачах и полномочиях французской прокуратуры⁶. Одним из таких полномочий является применение процедуры медиации посредством передачи прокурором уголовного дела в специализированную общественную организацию, где с помощью медиатора достигается согласие на примирение между потерпевшим и обвиняемым.

Споры в данном случае вполне обоснованны. Уголовно-процессуальный кодекс Франции в ст. 40-1, закрепляет функции прокурора, одной из которых является реализация уголовной политики путем применения мер, альтернативных уголовному преследованию⁷.

Представляется обоснованным закрепление на законодательном уровне одной из основных обязанностей прокурора — приводить в движение механизм альтернативных процедур. Л.В. Головкин по данному поводу пишет, что «с принятием ст. 41-1 УПК Франции, по сути, медиация в этой стране перестала быть *de lege lata* неким замкнутым институтом, превратившись в одну из разновидностей более общего, поэтому прокурор не может рассматриваться

² Аликперов Х.Д., Зейналов М.А. Компромисс в борьбе с преступностью. Пособие для прокуроров. М., 1999. С. 46.

³ Давлетов А.А., Братчиков Д.А. Проблема применения медиации в уголовном процессе России // Российский юридический журнал. 2014. № 5 (98). С. 168–179.

⁴ Головкин П., Спица Н. Уголовно-процессуальный кодекс Федеративной Республики Германия. *Strafprozessordnung (StPO)*. Научно-практический комментарий и перевод текста закона. М.: МГЮА, 2012.

⁵ Жакупов А. Предложения в законодательство по развитию института медиации как альтернативного досудебного и внесудебного способа урегулирования споров. URL: <http://www.mpc-info.kz/ru/smi-o-nas/item/1673-predlozheniya-v-zakonodatelstvo-po-razvitiyu-instituta-mediatsii-kak-alternativnogo-dosudebnogo-i-vnesudebnogo-sposoba-uregulirovaniya-sporov>

⁶ Чурикова А.Ю. Некоторые аспекты деятельности прокурора в уголовном процессе Франции // *Matters of Russian and International Law*. 2019. Vol. 9. Is. 9A.

⁷ Code de procedure penale. art. 41-1. URL: https://www.legifrance.gouv.fr/codes/section_lc/legitext/000006071154/legiscta000006167418/#legia-rti000033611483

только как лицо, отвечающее за приведение в движение уголовного преследования. В нем необходимо видеть центральный элемент согласительных процедур»⁸.

В свою очередь, это позволяет понять природу деятельности прокурора в уголовном процессе Франции. Он является безусловным руководителем уголовного преследования, полноценно использующим принцип беспристрастности, следовательно, сущность деятельности прокурора видится в обеспечении законного, обоснованного и, что важно, справедливого уголовного преследования. По своей сути данный принцип схож с закрепленной в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации обязанностью прокурора осуществлять надзор за соблюдением законности при одновременном осуществлении уголовного преследования. Однако думается, что подобное развитие событий стало возможным, потому как законодательные органы Франции пришли к модели сильной прокурорской власти.

Существенным является то, что российский уголовный процесс имеет стремление к континентальной правовой системе, отмечаемое многими современными учеными процессуалистами (Л.М. Карнозова, А.В. Пашнин, А.А. Арутюнян, Е.Е. Забуга и др.).

При обобщении вышесказанного возникает вопрос: возможна ли имплементация ряда правовых норм, направленных на расширение полномочий прокурора в рамках надзора и инициирования альтернативных процедур, в Российской Федерации?

В нашей стране на данный момент сложно представить себе ситуацию, при которой прокурор имел бы полномочия, относящиеся к оценке виновности лица, его способности к исправлению, а также назначению справедливого наказания⁹. Но если все-таки предположить теоретическую модель, при которой в России используется принцип целесообразности в рамках примирительных процедур, то в первую очередь необходимо будет ответить

на вопрос: такие изменения принесут больше вреда или пользы?

Основным аргументом в рассматриваемой дилемме является расширение возможностей должностных лиц в части свободного принятия решения о виновности лица именно на начальных стадиях расследования. Во-первых, данная функция не свойственна ни прокурору, ни следователю или дознавателю. Во-вторых, это нарушает, помимо принципа законности, принцип «осуществления правосудия только судом». В-третьих, увеличивается риск совершения действий коррупционной направленности. Немаловажным остается вопрос о субъективности в принятии каждого отдельного решения, ведь понятия справедливости и целесообразности у каждого человека разные.

Рассмотрим кратко в данном отношении существующие полномочия по оценке прокурором обвинения. К ним следует отнести следующие права:

— прокурор оценивает правильность сформулированного обвинения и достаточность собранных по делу доказательств для направления уголовного дела в суд (ст. 221, 226, 226.8 УПК РФ);

— прокурор дает согласие дознавателю на прекращение уголовного преследования по основаниям, указанным в ст. 25, 25.1 28, 28.1 УПК РФ;

— прокурор имеет право отказаться от обвинения полностью в ходе судебного разбирательства при наличии предусмотренных в УПК РФ обстоятельств;

— прокурор заключает досудебное соглашение о сотрудничестве, оценивает выполнение обвиняемым условий (ст. 317.5 УПК);

— прокурор имеет право блокировать применение особого порядка принятия судебного решения, если полагает, что публичный интерес требует рассмотреть дело в общем порядке (ч. 4 ст. 314 УПК РФ).

Также стоит отметить, что прокурор обязан обеспечить всем участникам уголовного судопроизводства на досудебных стадиях реальную возможность осуществления ими своих прав и обязанностей, а также неотвратимость наступления ответственности за их нарушения (ч. 1 ст. 11 УПК РФ).

Наша позиция заключается в том, что введение в уголовный процесс каких-либо альтернативных процедур невозможно без контроля и надзора со стороны

⁸ Головкин Л.В. Институт уголовно-правовой медиации и его перспективы в Российской Федерации // Закон. 2009. № 4. С. 127–135.

⁹ Градский В.Е. Предпосылки внедрения процедуры медиации в уголовном процессе России // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2020. № 2 (26). С. 11–15.

должностных лиц. Поэтому наиболее приемлемой фигурой в данном отношении представляется прокурор. Аналогичного мнения придерживается Э.С. Каминский: «при осуществлении руководства за досудебным производством и при защите публичных интересов в уголовном судопроизводстве наиболее эффективным участником является прокурор»¹⁰. Он также отмечает, что особенностью медиации по уголовным делам является «несимметричность сторон», исправить которую можно посредством передачи полномочий прокурору на проведение медиации. В этой же работе ученый рассматривает прокурора как непосредственного участника процедуры, в некоторых случаях способного самостоятельно проводить примирение. Еще одним спорным положением является заявленная Э.С. Каминским обязанность прокурора предоставлять материалы уголовного дела, необходимые медиатору для разрешения конфликта. На наш взгляд, подобные радикальные идеи вышеуказанных авторов способны увести законодателя, а впоследствии и правоприменителей от первоначальной сути медиации, так как под медиацией в уголовном процессе нами понимается деятельность, состоящая в поиске и установлении баланса законных интересов между лицом, совершившим противоправное деяние, и жертвой преступления. Целью такой деятельности является примирение сторон и установление взаимно удовлетворяющего решения по компенсации вреда, причиненного противоправным деянием, для урегулирования иных вопросов, касающихся обеспечения прав и законных интересов указанных лиц, выступающих альтернативным способом разрешения уголовного конфликта.

Интересно в данной связи обратиться к мнению Л.Д. Кокорева, он писал, что «законные интересы — это прежде всего те, которые соответствуют субъективным правам личности»¹¹. Определяя те или иные интересы личности как законные интересы, законодатель тем самым разрешает конфликтные ситуации, которые могут возникнуть между интересами су-

допроизводства и интересами личности. Мы солидарны с мнением ученого и видим интерес прокурора в ходе проведения медиации в необходимости обеспечить такой уровень правоприменительной деятельности, который мог бы в максимальной мере обеспечить законные интересы и права всех остальных участников процедуры примирения. В содержание публичного интереса, который отстаивает и обеспечивает прокурор, входит установление (нахождение) баланса прав и законных интересов участников со стороны обвинения и защиты. Такой вывод прямо вытекает из ст. 6 УПК РФ — Назначение уголовного судопроизводства.

В настоящее время прокурор как участник уголовного процесса со стороны обвинения в соответствии со ст. 37 УПК РФ наделен двумя функциями: уголовное преследование и надзор за исполнением процессуального законодательства органами предварительного расследования. В случае если медиация станет полноправным институтом уголовного процесса, у прокурора появится еще одно направление деятельности — правообеспечительное. Его задача будет, как и ранее, осуществление надзора за законностью в действиях следователя и дознавателя. Прокурор не будет надзирать за деятельностью медиатора непосредственно, однако будет иметь право воздействовать на ход разрешения дела в рамках надзора за исполнением законов при осуществлении процессуальной деятельности.

Резюмируя вышесказанное, считаем, что во-первых, в итоговой редакции должно быть изложено положение, закрепленное в ст. 37 УПК РФ, а именно: «Прокурор — это должностное лицо, осуществляющее от имени Российской Федерации уголовное преследование, надзор за процессуальной деятельностью и иной деятельностью, направленной на обеспечение прав и свобод участников уголовного судопроизводства».

Во-вторых, в ст. 37 УПК РФ необходимо закрепить следующее положение: «прокурор имеет право выносить постановление о проведении процедуры медиации в случаях, когда имеются основания для проведения примирительной процедуры». Инициирование не следует рассматривать как принуждение сторон к медиации, так как без их согласия проведение процедуры невозможно. Закрепив

¹⁰ Каминский Э.С. Прокурорская медиация в России: есть ли перспективы? // Российский судья. 2021. № 3. С. 25–29.

¹¹ Кокорев Л.Д. Общественные и личные интересы в уголовном судопроизводстве // Правоведение. 1977. № 4. С. 78–79.

данное полномочие, мы даем возможность прокурору обеспечить процессуальные условия для реализации данного права сторонами конфликта. Естественно, такое решение должно приниматься с учетом конкретных обстоятельств дела, значимости затронутых интересов в рамках определенных законом, а также исходя из совокупности обстоятельств уголовно-правового конфликта, сведений о личности обвиняемого, что в свою очередь соответствует задачам защиты частных и публичных интересов.

В-третьих, допустить прекращение уголовного дела при достижении медиативного соглашения путем вынесения постановления прокурора о прекращении уголовного дела.

К дополнительному полномочию прокурора следует отнести информирование подозреваемого, обвиняемого, подсудимого, потерпевшего, гражданского истца о возможности прибегнуть к медиации, посредством внесения изменений в ст. 11 УПК РФ.

Подводя итоги, можно констатировать следующее: для применения неретрабилирующих оснований прекращения уголовного производства видится перспективным закрепление в УПК РФ участия прокурора в механизме медиации. Данное положение обосновывается тем, что прокурор в своей деятельности в минимальной степени руководствуется ведомственными интересами и в максимальной обеспечивает законные интересы остальных участников уголовного судопроизводства. До тех пор, пока не будет на законодательном уровне урегулирована функция прокурора по контролю, либо надзору, либо обеспечению прав участников медиативных процедур, абсолютно точно развития данный институт в Российской Федерации получить не сможет; кроме того, в УПК РФ следует закрепить четкую детализацию процессуального порядка инициирования процедуры медиации и прекращения уголовного дела по данному основанию в каждом случае реализации прокурором своих полномочий.

Литература

1. Аликперов Х.Д. Компромисс в борьбе с преступностью : пособие для прокуроров / Х.Д. Аликперов, М.А. Зейналов. Москва, 1999. 84 с.
2. Головкин Л.В. Институт уголовно-правовой медиации и его перспективы в Российской Федерации / Л.В. Головкин // Закон. 2009. № 4. С. 127–135.
3. Головкин П. Уголовно-процессуальный кодекс Федеративной Республики Германия. Strafprozessordnung (StPO) : научно-практический комментарий и перевод текста закона / П. Головкин, Н. Спица. Москва : МГЮА, 2012. 404 с.
4. Градский В.Е. Предпосылки внедрения процедуры медиации в уголовном процессе России / В.Е. Градский // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2020. № 2 (26). С. 11–15.
5. Давлетов А.А. Проблема применения медиации в уголовном процессе России / А.А. Давлетов, Д.А. Братчиков // Российский юридический журнал. 2014. № 5 (98). С. 168–179.
6. Жакупов А. Предложения в законодательство по развитию института медиации как альтернативного досудебного и внесудебного способа урегулирования споров / А. Жакупов. URL: <http://www.mpc-info.kz/ru/smi-o-nas/item/1673-predlozheniya-v-zakonodatelstvo-po-razvitiyu-instituta-mediatsii-kak-alternativnogodosudebnogo-i-vnesudebnogo-sposoba-uregulirovaniya-sporov>
7. Каминский Э.С. Прокурорская медиация в России: есть ли перспективы? / Э.С. Каминский // Российский судья. 2021. № 3. С. 25–29.
8. Кокорев Л.Д. Общественные и личные интересы в уголовном судопроизводстве / Л.Д. Кокорев // Правоведение. 1977. № 4. С. 78–79.
9. Татьяна Л.Г. Уголовно-процессуальные правоотношения прокурора и руководителя следственного органа: проблемы и пути их решения / Л.Г. Татьяна // Уголовное судопроизводство: теория и практика / под редакцией Н.А. Колоколова. Москва : Юрайт, 2011. С. 431–435.
10. Чурикова А.Ю. Некоторые аспекты деятельности прокурора в уголовном процессе Франции // Вопросы российского и международного права. 2019. Т. 9. № 9–1. С. 311–319.

Преступления против жизни и здоровья: единые преступления и совокупность

Гарбатович Денис Александрович,
заместитель директора по научной работе
Российского государственного университета правосудия,
кандидат юридических наук, доцент
garbatovich@mail.ru

В статье рассматриваются проблемы отграничения единых преступлений от совокупности преступлений против жизни и здоровья. Анализируются критерии отграничения: единый умысел, непродолжительный период времени, учетная законодателем совокупность преступлений.

Ключевые слова: продолжаемое преступление, совокупность преступлений, преступления против жизни и здоровья.

Crimes against Life and Health: Single Crimes and an Aggregate Thereof

Denis A. Garbatovich
Deputy Director for Research of the Russian State University of Justice
PhD (Law), Associate Professor

The article deals with the problems of delimiting single crimes from the totality of crimes against life and health. The criteria for delimitation are analyzed: a single intent, a short period of time, a set of crimes taken into account by the legislator.

Keywords: continued crime, aggregate of crimes, crimes against life and health.

Продолжаемым преступлением считается единичное сложное преступление, состоящее из ряда тождественных (однородных) деяний, объединенных единым умыслом и совершенных, как правило, за небольшой период времени.

Проблема состоит в том, что совокупность преступлений также может состоять из ряда тождественных (однородных) преступных деяний. Например, в отношении потерпевшего в течение небольшого промежутка времени совершаются насильственные действия, причиняющие ему вред здоровью разной тяжести. Вопрос заключается в том, следует ли неоднократно насильственные действия квалифицировать как единое преступление или подобная ситуация представляет пример совокупности преступлений.

Непродолжительный период времени иногда в практике оценивается как аргумент, свидетельствующий о едином умысле виновного, поэтому деяние квалифицируется как одно продолжаемое преступление¹.

¹ Апелляционный приговор Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 24 декабря 2015 г. № 30-АПУ15-16 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2017. № 1. С. 43–44.

Вывод о наличии у виновного единого умысла делается через оценку насильственных действий по отношению к потерпевшему, если они были едиными и неразрывными, т.е. совершенными в течение непродолжительного периода времени.

В то же время непродолжительный период времени не предопределяет вид умысла, а именно его направленность на совершение единого продолжаемого преступления. Даже если насильственные действия в отношении одного потерпевшего были совершены за короткий промежуток времени, каждое из совершенных деяний может характеризоваться своим, отличным от другого умыслом.

Б., имея умысел на причинение Л. телесных повреждений на почве личных неприязненных отношений, предложил О., С. и З. за денежное вознаграждение избить последнего. Получив их согласие, Б. совместно с О., С. и З. нанесли потерпевшему множественные удары руками и ногами по различным частям тела, причинив вред здоровью средней тяжести, в результате чего потерпевший потерял сознание. После избия осужденные перенесли

находившегося в бессознательном состоянии потерпевшего в лесопосадку.

С целью предотвращения возможного обращения потерпевшего в правоохранительные органы об избиении Б. предложил убить его и передал О. свой брючный ремень. Осужденные О. и С. его задушили. Действия Б. были квалифицированы по п. «г» ч. 2 ст. 112, ч. 5 ст. 33, п. «ж», «к» ч. 2 ст. 105 УК РФ, а С. — по п. «г» ч. 2 ст. 112, п. «ж», «к» ч. 2 ст. 105 УК РФ².

В приведенном примере судом был правильно установлен один умысел на причинение телесных повреждений и один умысел на совершение убийства, поэтому насильственные действия были квалифицированы как совокупность преступлений против жизни и здоровья независимо от того, что были совершены в течение непродолжительного промежутка времени.

Длительность нанесения телесных повреждений, их характер, локализация могут свидетельствовать о наличии единого умысла у виновного на совершение одного преступления.

Н. осужден по п. «д» ч. 2 ст. 105 УК РФ. Между осужденным Н. и потерпевшим Б. произошел конфликт. Осужденный стеклянным графином нанес несколько ударов по голове потерпевшего, отчего тот упал на пол. Затем осужденный, взяв со стола на кухне нож, в течение 30 минут наносил множественные удары потерпевшему в область шеи, лица, груди, плеч, предплечья, кистей рук, причинив ему прижизненно 3 резаные раны и 52 колото-резаные раны. От полученных повреждений потерпевший через непродолжительное время скончался на месте³.

Если в процессе совершения одного преступления у виновного трансформируется умысел на совершение более тяжкого преступления, деяние счита-

ется единым и оценивается по статье, предусматривающей ответственность за совершение более тяжкого преступления.

Период нанесения телесных повреждений (продолжительный, непродолжительный), характер локализации телесных повреждений без доказанности единого умысла виновного лица не могут считаться решающими критериями отграничения исследуемых преступлений. Указанные критерии могут играть вспомогательную роль для правильного установления интеллектуального и волевого элементов умысла.

При доказанности единого умысла на совершение насильственных действий в отношении потерпевшего деяние следует квалифицировать:

1) по фактически наступившим последствиям при наличии альтернативного умысла, когда лицо осознавало реальную возможность причинения потерпевшему вреда здоровью разной тяжести (легкого, среднего, тяжкого) и желало наступления любого из прогнозируемых последствий;

2) в соответствии с направленностью умысла, когда виновное лицо стремилось к причинению конкретного вреда здоровью; если конкретизированный (определенный умысел) был реализован, то деяние квалифицируется как оконченное;

3) если в процессе причинения потерпевшему конкретного вреда здоровью умысел виновного трансформируется в желание причинить вред более тяжкий, то деяние квалифицируется как одно более тяжкое преступление;

4) если, причинив потерпевшему определенный вред здоровью, к которому стремился виновный, через некоторый период времени (даже если он непродолжительный) после завершения одного преступного деяния у виновного возникает новый умысел на причинение потерпевшему более тяжкого вреда здоровью, то последующий факт причинения вреда оценивается как множественность преступлений в виде совокупности.

² Постановление Президиума Верховного Суда Российской Федерации № 89П18 // Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 3 (2018) : утвержден Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 14 ноября 2018 г.

³ Постановление Президиума Верховного Суда РФ от 18 октября 2017 г. № 170-П17 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2018. № 5. С. 7–9.

При квалификации анализируемых преступлений в отношении нескольких потерпевших важно помнить о так называемой уже учтенной законодателем совокупности преступлений (например, п. «а» ч. 2 ст. 105, п. «б» ч. 3 ст. 111, п. «а» ч. 2 ст. 112 УК РФ).

Например, при убийстве двух и более лиц для квалификации деяния в качестве единого преступления по п. «а» ч. 2 ст. 105 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ) уже не имеет значения: 1) наличие определенного или неопределенного умысла (хотел убить сразу двух потерпевших или умысел на убийство каждого потерпевшего был самостоятельным); 2) период времени совершаемых преступлений (совершено убийство двух и более потерпевших в одно время или между каждым убийством имеется значительный промежуток времени).

Главное, чтобы каждое убийство имело свое уголовно-правовое значение: 1) ни за одно из совершенных убийств лицо не было осуждено; 2) сроки давности в отношении фактов причинения смерти не истекли.

При совершении двух убийств последующие факты убийств, их завершенность или незавершенность (приготовление к убийству, покушение на убийство) не образуют совокупность преступлений, все действия квалифицируются по п. «а» ч. 2 ст. 105 УК РФ.

Например, лицо имело определенный умысел, направленный на убийство четырех потерпевших. Убийство каждого потерпевшего планировалось совершить в разное время. Виновный смог убить трех лиц. Убийство четвертого потерпевшего было незавершенным по причине того, что выстрел из огнестрельного оружия не оказался смертельным и потерпевший смог выжить. Все три факта оконченных убийств и одно покушение на убийство не образуют совокупность

преступлений и квалифицируются как единое деяние, предусмотренное п. «а» ч. 2 ст. 105 УК РФ.

Если лицом совершены два убийства, а в последующем он выступает организатором в отношении другого убийства — в качестве подстрекателя или пособника, все эти действия также квалифицируются как одно деяние, предусмотренное п. «а» ч. 2 ст. 105 УК РФ.

Спорный вопрос может возникнуть относительно вменения анализируемого квалифицирующего признака в случаях, когда совершаются два преступления, одно деяние посягает на жизнь, другое — на иные охраняемые законом отношения, а жизнь является дополнительным объектом.

Например, А. сначала совершил убийство, а затем посягательство на жизнь государственного деятеля, завершившегося смертью потерпевшего. По сути, лицом было совершено убийство двух лиц, относительно оценки указанных действий может возникнуть два варианта квалификации.

Первый вариант заключается в том, чтобы действия виновного квалифицировать по п. «а» ч. 2 ст. 105 и ст. 277 УК РФ.

Второй вариант — деяние нужно квалифицировать по ч. 1 ст. 105 УК РФ, если отсутствуют иные квалифицирующие признаки убийства, и по ст. 277 УК РФ.

Предпочтительным представляется второй вариант квалификации. Учитывая, что п. «а» части второй ст. 105 УК РФ представляет собой учтенную законодателем совокупность преступлений, а в представленных вариантах квалификации уже имеется совокупность преступлений, каждое из которых повлекло смерть потерпевшего, вменять исследуемый квалифицирующий признак будет означать двойную оценку одних и тех же фактических данных, что были убиты два человека.

Уважаемые авторы!

При возникновении вопросов, связанных с оформлением материалов, можно обращаться в редакцию по телефону: 8 (495) 953-91-08 или по e-mail: avtor@lawinfo.ru

Система доказывания при осуществлении судебного контроля за досудебным производством

Устинов Артем Анатольевич,
судья Советского районного суда города Брянска
artem.ustinov@mail.ru

В статье затрагиваются основные проблемы процесса доказывания при осуществлении судебного контроля за досудебным производством, для понимания которых приведен анализ вопросов, касающихся системы доказывания и взаимодействия ее элементов. Аргументирована важность правильного определения предмета доказывания, круга субъектов доказывания и средств доказывания, являющихся взаимопределяющими составными элементами системы доказывания, продемонстрированы связанные с этим судебные ошибки, предложены способы «выравнивания» процессуального положения субъектов доказывания.

Ключевые слова: доказывание, судебный контроль, собрание, проверка и оценка доказательств, предмет, субъекты и средства доказывания.

The System of Proving in Exercising Judicial Control over Pre-Trial Proceedings

Artem A. Ustinov
Judge of the Sovetsky District Court of Bryansk

The article covers the main problems of the process of proving in exercising judicial control over pre-trial proceedings; in order to understand such problems, the author analyzes the issues concerning the system of proving and the interaction between its elements. The paper gives reasons for the importance of correct determination of the matter of proving, the range of subjects of proving and means of proving being fundamental constituent elements of the system of proving, shows the related judicial mistakes, proposes means of "alignment" of the procedural position of subjects of proving.

Keywords: proving, judicial control, collection, verification and evaluation of evidence, matter, subjects and means of proving.

Анализ правоприменительной практики указывает на наличие ряда системных проблем, связанных с процессом доказывания при применении судебного контроля за досудебным производством, по которым назрела необходимость их разрешения в целях надлежащего выполнения задач уголовного судопроизводства и обеспечения прав и законных интересов участвующих в уголовном процессе лиц. Существующий в настоящее время формальный подход к доказыванию при рассмотрении судом материалов досудебного производства, поверхностность и односторонность их исследования, произвольность и непоследовательность действий субъектов доказывания, отсутствие дифференцированного подхода к доказыванию в отдельных видах судебного контроля,

а также целый ряд других проблем снижает степень обеспеченности в уголовном судопроизводстве реальной защиты прав человека и его основных свобод, приводит к нарушению баланса публичных и частных интересов. Для практического разрешения данных проблемных аспектов требуется уделить внимание в первую очередь анализу вопросов, касающихся системы доказывания при осуществлении судебного контроля, взаимодействия ее элементов.

Действующий уголовно-процессуальный закон содержит нормативное определение доказывания, закрепленное в ст. 85 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее — УПК РФ), указывающей, что доказывание состоит в собирании, проверке и оценке доказательств в целях

установления обстоятельств, подлежащих доказыванию, что свидетельствует о законодательном определении элементов, входящих в его состав. Поэтому будем относить к элементам доказывания именно указанные в ст. 85 УПК РФ составляющие, принимая во внимание, что в данной части процесс доказывания в общем, касаемо составляющих элементов, не имеет своих явных отличий применительно к осуществлению судебного контроля за досудебным производством. Как справедливо отмечается Н.А. Колоколовым, существо судебного контроля состоит в собирании, проверке и оценке совокупности доказательств¹.

Каждому из указанных элементов доказывания соответствует наличие определенной направленности, которая, например, для собирания доказательств заключается в выполнении подготовительной задачи доказывания по выявлению и закреплению доказательственного материала, для проверки — в установлении его относимости и допустимости, а для оценки — в выяснении достоверности и процессуального значения каждого доказательства и определении достаточности их совокупности для установления обстоятельств, относящихся к предмету доказывания. Кроме того, в процессе указанного взаимодействия элементов доказывания сведения, предоставляемые сторонами, получают доказательственное значение после проверки судом их относимости, допустимости, а также оценки в совокупности с остальным объемом доказательственного материала.

Рассмотрим взаимосвязь составных элементов структуры доказывания в различных видах судебного контроля за досудебным производством.

При разрешении материалов в порядке ст. 165 УПК РФ (рассмотрение судом ходатайств органа предварительного расследования о производстве следственного действия) процесс собирания доказательств, как правило, ограничен рамками того доказательственного объ-

ема, который предоставлен стороной обвинения (следователем, дознавателем) в подтверждение обоснованности производства указанного в ходатайстве следственного действия, ограничивающего конституционные права и свободы граждан, либо законности уже произведенного следственного действия в случае его безотлагательности в порядке ч. 5 ст. 165 УПК РФ.

В ходе производства по жалобам (ст. 125 УПК РФ), напротив, процесс собирания доказательств расширен активностью суда по истребованию необходимых материалов, проведению допросов достаточно широкого круга лиц и других процессуальных действий в целях проверки законности и обоснованности действия (бездействия) или решения соответствующего должностного лица, а также подтверждения или опровержения доводов участников процесса.

При рассмотрении судом вопросов, касающихся мер пресечения, процесс собирания доказательств, как правило, возложен на стороны: сторона обвинения предоставляет материалы, касающиеся оснований избрания меры пресечения, процессуальные документы о движении уголовного дела, документы, удостоверяющие личность подозреваемого (обвиняемого), а также характеризующие его сведения, в том числе о состоянии его здоровья, наличии судимостей и др.; стороной защиты, помимо сведений о личности подозреваемого (обвиняемого), предоставляются доказательства, указывающие на возможность применения иной, более мягкой меры пресечения, либо об отсутствии оснований для применения меры пресечения, указанной в ходатайстве органа предварительного расследования, или обстоятельствах, препятствующих содержанию подозреваемого (обвиняемого) под стражей (например, по состоянию здоровья) и пр.

Проверка доказательств при осуществлении судебного контроля за досудебным производством осуществляется в процессе исследования и анализа собранных доказательств, их сопоставления между собой, а также изучения источников их получения.

¹ См.: Колоколов Н.А. Судебный контроль на стадии предварительного расследования. М.; Закон и право, ЮНИТИ-ДАНА, 2004. С. 162, 164.

В ходе рассмотрения ходатайств о производстве следственного действия проверка доказательств осуществляется непосредственно судом, а при рассмотрении материалов в порядке ст. 125 УПК РФ и при решении вопроса о мере пресечения проверка доказательств осуществляется при активном участии сторон обвинения и защиты, которыми в ходе проверки также предоставляются дополнительные доказательства, подтверждающие их доводы либо опровергающие выводы противоположной стороны, в чем проявляется взаимосвязь и сочетание процесса собирания и проверки доказательств как элементов системы доказывания.

В результате оценки доказательств суд приходит к выводу о достоверности (недостоверности) доказательств, представленных сторонами, и достаточности (недостаточности) их совокупности для установления обстоятельств, относящихся к предмету доказывания, и соответственно разрешения ходатайства или жалобы. При оценке судом доказательств по материалам досудебного производства, например, при рассмотрении в порядке ст. 125 УПК РФ жалоб заявителя на необоснованный отказ в возбуждении уголовного дела либо потерпевшего на незаконное прекращение уголовного преследования, проверяются выводы по оценке доказательств иных субъектов доказывания (следователя, дознавателя), что указывает на взаимосвязь элементов системы доказывания на различных уровнях процедуры судебного контроля.

Объектом доказывания, характерным для судебного контроля в целом, выступает вся совокупность значимых для принятия соответствующего законного решения обстоятельств. Иными словами, к объекту доказывания следует отнести тот круг вопросов, которым необходимо дать правовую оценку для правильного и объективного рассмотрения судебного материала.

Вместе с тем при различных видах судебного контроля система доказывания имеет и свои отличительные признаки, а также особое сочетание составляющих ее элементов.

Прежде всего это касается предмета доказывания, который в науке уголовного процесса определяется в качестве особой процессуальной категории, включающей факты, имеющие материально-правовое значение, без установления которых нельзя разрешить дело по существу и применить норму материального права². Для обозначенных выше видов судебного контроля на досудебной стадии предмет доказывания имеет свои характерные особенности.

Так, при рассмотрении жалоб в порядке ст. 125 УПК РФ к предмету доказывания относятся обстоятельства, связанные с законностью и обоснованностью обжалуемых действий (бездействия). Именно обжалуемые заявителем действия (или бездействие) определяют конкретный предмет доказывания по данной категории досудебного производства.

Предмет доказывания при разрешении ходатайств в порядке ст. 165 УПК РФ включает в себя обстоятельства, касающиеся обоснованности производства указанного в ходатайстве следственного действия, а также процессуального порядка его возбуждения перед судом. Поэтому в этой части предмет доказывания определяется содержанием, необходимостью, видом и условиями того следственного действия, за разрешением производства которого соответствующее должностное лицо органа предварительного расследования обратилось в суд.

К предмету доказывания при применении судами мер пресечения следует отнести обстоятельства, подтверждающие основания для избрания судом меры пресечения, также указывающие на необходимость применения конкретной меры пресечения, в том числе с учетом сведений о личности и, кроме того, свидетельствующие о возможности (невозможности) применения иной, более мягкой, меры пресечения.

Таким образом, предмет доказывания достаточно многообразен, его

² См.: Боруленков Ю.П. Юридическое познание, доказательство и доказывание (методология, теория, практика) : монография. М. : Юрлитинформ, 2016. С. 395.

индивидуальная определенность зависит от вида и предмета судебного контроля. В то же время важно отметить, что при осуществлении всех видов судебного контроля на досудебной стадии необходимо правильное определение предмета доказывания, поскольку он является «условием целенаправленной деятельности органов расследования и суда, обеспечения полноты, всесторонности и объективности исследования обстоятельств»³. Как указывают А.С. Александров и С.А. Фролов, с одной стороны, существенное расширение предмета доказывания ведет к трате больших усилий на установление обстоятельств, не влияющих на исход дела, с другой — неоправданное его сужение приводит к неполноте и односторонности, в результате чего существенные для дела обстоятельства могут остаться неустановленными. Обе крайности отрицательно сказываются на производстве по делу⁴. На это обращалось внимание еще советскими процессуалистами. Например, Г.Ф. Горский, Л.Д. Кокорев, П.С. Элькинд, также подчеркивая необходимость правильного определения предмета доказывания, недопущения ни его «непомерного расширения», ни «недозволенного ограничения», отмечали в качестве самых распространенных оснований отмены судебных актов вышестоящими инстанциями именно неполноту и односторонность на досудебных и судебных стадиях уголовного процесса, которыми согласно ст. 343 УПК РСФСР признавались предварительное или судебное следствие, в ходе которого остались невыясненными такие обстоятельства, установление которых могло иметь существенное значение при вынесении судебного решения⁵.

³ Теория доказательств в советском уголовном процессе. 2-е изд. / отв. ред. Н.В. Жигин. М.: Юрид. лит., 1973. С. 139.

⁴ См.: Александров А.С., Фролов С.А. Относимость уголовно-процессуальных доказательств. Н.Новгород: Нижегородская правовая академия, 2011. С. 101, 103, 114.

⁵ См.: Горский Г.Ф., Кокорев Л.Д., Элькинд П.С. Проблемы доказательств в советском уголовном процессе. Воронеж, 1978. С. 69–70.

Данные аспекты не потеряли своей актуальности и в настоящее время. Так, постановлением районного суда, оставленным без изменения апелляционной инстанцией, заявителю отказано в принятии к рассмотрению жалобы в порядке ст. 125 УПК РФ на бездействие следователя в виде нерассмотрения в ходе предварительного следствия его ходатайств. Суды первой и апелляционной инстанций, делая вывод об отсутствии предмета обжалования в порядке ст. 125 УПК РФ, сослались на предусмотренную ст. 38 УПК РФ процессуальную самостоятельность следователя в принятии решений о производстве следственных и иных процессуальных действий, в связи с чем пришли к выводу, что нерассмотрение следователем ходатайств потерпевшего не способно причинить ущерб его конституционным правам, свободам, затруднить доступ к правосудию. Кассационная инстанция обратила внимание на ошибку судов, неправильно определивших предмет доказывания по данному делу, и указала, что уголовно-процессуальный закон, наделив в том числе потерпевшего правом заявлять следователю ходатайство о производстве процессуальных действий или принятии процессуальных решений для установления обстоятельств, имеющих значение для дела, обеспечения прав и законных интересов лица, заявившего ходатайство, предусматривает сроки рассмотрения ходатайства (ст. 121 УПК РФ) и обязанность следователя вынести соответствующее постановление, которое доводится до сведения лица, заявившего ходатайство. В соответствии со ст. 122 УПК РФ решение по ходатайству может быть обжаловано в порядке, установленном главой 16 УПК РФ. Таким образом, бездействие следователя в виде нерассмотрения в ходе предварительного следствия ходатайств потерпевшего подлежало обжалованию в порядке ст. 125 УПК РФ, в связи с чем судебные решения отменены с передачей материала на новое судебное рассмотрение⁶.

⁶ Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции № 77-2172/2020 от 29 октября 2020 г. URL: <https://1kas.sudrf.ru> (дата обращения: 19.12.2020).

Субъекты доказывания для определенных видов судебного контроля также имеют свои отличия, но не по их составу, к которому привычным образом относят представителей сторон обвинения и защиты, а по кругу субъектов, который, например, в процессе доказывания при даче судом разрешений на проведение процессуальных действий в порядке ст. 165 УПК РФ, ограничен только следователем (дознавателем) и прокурором, за исключением рассмотрения вопросов, касающихся реализации, утилизации или уничтожения вещественных доказательств, которые предусматривают участие в доказывании подозреваемого (обвиняемого), их защитников, законных представителей, а также собственника или иного законного владельца предмета, признанного вещественным доказательством по уголовному делу. При применении судами мер пресечения круг субъектов доказывания существенно шире и включает со стороны обвинения прокурора, лицо, заявившее ходатайство (следователя, дознавателя), руководителя следственного органа либо органа дознания, потерпевшего, его представителя; со стороны защиты — подозреваемого и обвиняемого, защитников и законных представителей. Применительно к доказыванию при рассмотрении судом жалоб в ходе досудебного производства круг субъектов доказывания максимально расширен, поскольку включает в себя, с одной стороны, лиц, наделенных правом обжалования в порядке ст. 125 УПК РФ, и представляющих их интересы (заявитель, его представители), а с другой — лиц, непосредственно чье решение, действие (бездействие) обжалуется (должностные лица), и прокурора. В этой связи в практике нередки случаи допускаемых судебных ошибок, связанных с нарушением прав субъектов доказывания на своевременное извещение о месте, дате и времени рассмотрения материала.

Например, апелляционной инстанцией отменено постановление городского суда об отказе в удовлетворении жалобы заявителя в порядке ст. 125 УПК РФ о признании незаконным

решения заместителя руководителя следственного подразделения. Заявитель, отбывающий наказание в виде лишения свободы и содержащийся в спецучреждении, был извещен в день рассмотрения жалобы. Апелляционной инстанцией обращено внимание на обязанность суда первой инстанции принять меры по обеспечению процессуальных прав, в частности, заявителя и помимо извещения о времени и месте рассмотрения жалобы, с учетом специфики ситуации, необходимость предоставления достаточного времени и реальной возможности довести свою позицию относительно существа поданной жалобы до сведения суда путем представления письменных объяснений, использования помощи адвокатов и иных представителей, а также другим предусмотренным законом способом⁷.

Таким образом, круг субъектов доказывания варьируется в зависимости от вида судебного контроля от минимального их состава при рассмотрении ходатайств в порядке ст. 165 УПК РФ до широкого их перечня при рассмотрении жалоб в ходе досудебного производства по делу, который даже не ограничивается участниками уголовного судопроизводства, а включает и иных лиц, полагающих о нарушении их прав и свобод решениями, действиями (бездействием), осуществляющих уголовное преследование должностных лиц.

Следует также указать степень участия в процессе доказывания его субъектов. В настоящее время в процессе доказывания при осуществлении судебного контроля стороны обвинения имеет доминирующее над защитой положение. Этому способствует не только фактическое отсутствие противоположной стороны в процессе, например, по рассмотрению ходатайств о разрешении на производство следственного действия в порядке ст. 165 УПК РФ, но и предоставление стороной обвинения большей части доказательственных данных. В этой связи в тех случаях, когда уголовно-процессуальным

⁷ Апелляционное постановление Московского областного суда от 26 июня 2014 г. № 22к-3707/14 // СПС «КонсультантПлюс».

законом предусмотрено участие сторон в судебном заседании, представляется необходимым определенное «выравнивание» положений субъектов доказывания посредством детального «устного» исследования доказательств в судебном заседании, обязанности опровержения стороной обвинения доводов защиты, состязательного процесса доказывания и создания председательствующим судьей процессуальной «конкуренции» между участниками путем всесторонней проверки их доводов.

Касательно средств доказывания необходимо отметить, что при осуществлении всех видов судебного контроля доказывание происходит при непосредственном исследовании доказательств, перечень которых предусмотрен ст. 74 УПК РФ. В качестве средств доказывания участниками процесса могут быть использованы в том числе имеющие доказательственное значение документы, при соблюдении двух условий: документы должны быть получены без нарушения закона и должны подтверждать (или опровергать) те обстоятельства, которые относятся к предмету доказывания по данному виду судебного контроля. Таким образом, средства доказывания следует отнести к тем составляющим процесса доказывания, которые характерны для всех видов судебного контроля за досудебным производством.

Кроме того, в процессе правоприменительной практики наблюдается устойчивая тенденция о предоставле-

нии каждым из субъектов доказывания, которых закон наделяет в этой части процессуальной самостоятельностью, в большей части «типовых» доказательств. Например, следователем (дознавателем) при рассмотрении судом ходатайств о производстве следственного действия или разрешении вопроса о мере пресечения либо при рассмотрении жалобы в порядке ст. 125 УПК РФ, предоставляются доказательства, подтверждающие процессуальные основания заявленного ходатайства, обоснованность или соблюдение соответствующего процессуального порядка, т.е. так называемые «процедурные» доказательства. Стороной защиты, напротив, преимущественно предоставляются доказательства, касающиеся сведений о личности обвиняемого (подозреваемого), совместном проживании с иными лицами, принадлежности конкретного имущества определенным лицам, т.е. так называемые «характеризующие» доказательства. Таким образом, при осуществлении судебного контроля субъекты и средства доказывания являются взаимоопределяющими составными элементами системы доказывания.

В заключение следует отметить, что указанные особенности помогут разобраться в особенностях процедуры доказывания при судебном контроле, что будет способствовать уменьшению судебных ошибок и обеспечению действительной эффективной судебной защиты прав граждан.

Литература

1. Александров А.С. Относимость уголовно-процессуальных доказательств : монография / А.С. Александров, С.А. Фролов. Нижний Новгород : Нижегородская правовая академия, 2011. 176 с.
2. Боруленков Ю.П. Юридическое познание, доказательство и доказывание (методология, теория, практика) : монография / Ю.П. Боруленков; под научной редакцией В.Н. Карташова. Москва : Юрлитинформ, 2016. 536 с.
3. Горский Г.Ф. Проблемы доказательств в советском уголовном процессе / Г.Ф. Горский, Л.Д. Кокорев, П.С. Элькинд. Воронеж : Издательство Воронежского ун-та, 1978. 303 с.
4. Колоколов Н.А. Судебный контроль на стадии предварительного расследования / Н.А. Колоколов. Москва : Закон и право, ЮНИТИ-ДАНА, 2004. 303 с.
5. Теория доказательств в советском уголовном процессе / ответственный редактор Н.В. Жогин. 2-е изд., испр. и доп. Москва : Юридическая литература, 1973. 736 с.

О некоторых аспектах работы конференции судей субъекта Российской Федерации как органа судейского сообщества

Курманов Эдуард Рашидович,
судья Нижневартовского городского суда,
кандидат юридических наук, доцент
kur76@rambler.ru

В данной статье рассматриваются вопросы о механизмах работы конференции судей субъектов Российской Федерации в части возможности использования систем видео-конференц-связи и иных возможностей удаленного присутствия участников, как действующих судей, так и судей в отставке.

Ключевые слова: конференция судей субъектов Российской Федерации, системы видео-конференц-связи, судья в отставке.

On Some Aspects of Work of a Conference of Judges of a Constituent Entity of the Russian Federation as an Authority of the Judicial Community

Eduard R. Kurmanov
Judge of the Nizhnevartovsk City Court
PhD (Law), Associate Professor

This article discusses the mechanisms of the conference of judges of the constituent entities of the Russian Federation in terms of the possibility of using videoconferencing systems and other remote presence of participants, both active judges and retired judges.

Keywords: conference of judges of the subjects of the Russian Federation, videoconferencing systems, retired judge.

Актуальность данных вопросов исследования подкрепляется в первую очередь сложившимися в последнее время объективными предпосылками работы коллективных субъектов в связи с ковидными ограничениями, необходимостью поиска оптимальных моделей их работы на будущее время, а также определения состава ее участников.

Как известно, в ст. 7 Федерального закона от 14 марта 2002 г. № 30-ФЗ «Об органах судейского сообщества в Российской Федерации» (далее — Федеральный закон № 30 от 14 марта 2002 г.)¹, указано, что конференции судей субъектов Российской Федерации (далее также — конференции судей) представляют всех судей всех уровней, действующих на территориях соответствующих

субъектов Российской Федерации (далее также — РФ). Конференции имеют право принимать решения по всем вопросам, относящимся к деятельности судейского сообщества в субъектах Российской Федерации, за исключением вопросов, которые относятся к полномочиям квалификационных коллегий судей и экзаменационных комиссий, а также они имеют право утверждать акты, которые регулируют деятельность органов судейского сообщества в субъектах Российской Федерации. Решения конференций судей принимаются простым большинством голосов, если конференциями не устанавливается иной порядок принятия решений.

Таким образом, конференции судей субъектов РФ являются одними из самых важных органов судейского сообщества. Так, Е.В. Бурдиной указывается, что самыми представительными органами в подсистеме органов судейского

¹ Федеральный закон от 14 марта 2002 г. № 30-ФЗ (ред. от 08.12.2020) «Об органах судейского сообщества в Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

сообщества являются в том числе конференции судей субъектов Российской Федерации, имеющие исключительные полномочия по формированию выборных органов судейского сообщества². Статус самого представительного органа судейского сообщества в субъектах РФ, а также указанная периодичность созыва нацеливают конференции судей на принятие наиболее важных решений в жизни судейского сообщества субъекта РФ, делают данный корпоративный орган ответственным за выработку долгосрочных ключевых решений в сфере внутрисистемного управления судами³. Именно выработке механизмов работы таких конференций и определению состава их участников, включая судей в отставке, и посвящено данное исследование.

Если смотреть детально на содержание ст. 7 Федерального закона № 30 от 14 марта 2002 г., а также иных статей этого закона, то мы не увидим в них указания на конкретные формы работы конференций судей субъектов РФ.

Исходя из определения термина «конференция» Толкового словаря русского языка С.И. Ожегова — это собрание, совещание представителей каких-нибудь государств, организаций⁴. Учитывая, что данный термин отсылает к другому термину — «собрание», укажем, что по тому же словарю собрание означает присутствие где-нибудь людей, чем-нибудь объединенных, заседание членов какой-нибудь организации для обсуждения чего-нибудь; а совещание — заседание, посвященное обсуждению чего-нибудь⁵.

Таким образом, любая конференция есть собрание, совещание, предполагающее совместное присутствие определенных людей.

Исходя из того, что современные информационные технологии позволя-

ют проводить собрания определенного количества людей удаленно, с использованием систем видео-конференц-связи на самых разных технологических платформах, а также и видеоконференций с использованием личных мобильных устройств, вполне резонно предположить, что и конференции судей могут проводить свою работу удаленно. Такой формат работы позволяет избежать финансовых затрат на общий сбор всех кандидатов, принимающих участие в работе конференции судей субъектов РФ, включая проезд, проживание, оплату командировочных расходов. Однако насколько это правомерно?

Согласно нормам упомянутого Федерального закона № 30 от 14 марта 2002 г. термин «конференция» упоминается 44 раза (по данным СПС «КонсультантПлюс»), однако ни в одном случае не раскрывается механизм проведения таких конференций, в аспекте реального одномоментного или удаленного присутствия участников, названных по смыслу закона делегатами. Следовательно, порядок работы таких конференций определяется регламентами, принимаемыми этими органами самостоятельно.

Так, например, в п. 4 регламента Конференции судей Чувашской Республики, утвержденного Конференцией судей Чувашской Республики 13 июня 2002 г. с последними изменениями от 24 марта 2017 г., указано, что основной формой работы конференции судей является совместное собрание судей верховного, арбитражного, районных судов и мировых судей Чувашской Республики, а также судей, пребывающих в отставке⁶.

В аналогичном регламенте конференции судей Ханты-Мансийского автономного округа — Югры, с изменениями, внесенными на XVII конференции судей от 20 февраля 2020 г., не указаны формы работы конференции⁷.

² См.: Бурдина Е.В. Правовая природа, организация и деятельность органов судейского сообщества в судебной системе России : дисс. ... д-ра юрид. наук. М., 2016. С. 303. URL: <https://rgup.ru/pimg/files.pdf> (дата обращения: 02.10.2021).

³ См.: там же. С. 316.

⁴ См.: Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка. М. : Мир и Образование, 2016. С. 246.

⁵ См.: там же. С. 593, 594.

⁶ См. http://usd.chv.sudrf.ru/modules.php?name=sud_community&rid=24 (дата обращения: 15.01.2021).

⁷ См.: <http://khm.ssrp.ru/dokumenty/pravoia-osnova/37347> (дата обращения: 15.01.2021).

Очевидно, что такие нормы не вносились ввиду отсутствия необходимости, в том числе из-за ковидных ограничений.

А вот в Иркутской области 4 июня 2020 г. в режиме видео-конференц-связи состоялась XIV Отчетно-выборная конференция судей данного субъекта, также на сайте Совета судей Иркутской области указано, что конференцией судей Иркутской области был утвержден Порядок проведения конференции судей Иркутской области с применением системы видео-конференц-связи и внесены изменения в Регламент конференции судей Иркутской области⁸. К сожалению, в связи с отсутствием на сайте данного документа не удалось ознакомиться с его содержанием, однако из имеющихся сведений следует, что работа данной конференции проходила с использованием системы видео-конференц-связи и именно в процессе работы конференции произошло нормативное закрепление данной формы. Такой подход может вызывать вопросы, поскольку означает фактическое введение новых правил в процессе проведения самой конференции. Учитывая, что изменить регламент конференции с очного присутствия участников на их работу в удаленном режиме до проведения самой конференции фактически невозможно (поскольку сама конференция еще не начала работу, следовательно, невозможно изменить регламент ее работы), то предлагается вариант выражения согласия на новый формат работы при выдвижении делегатов на эту конференцию при проведении общих собраний судей судов в порядке, установленном ст. 12 Федерального закона № 30 от 14 марта 2002 г., с последующим утверждением самой конференцией. Такой механизм позволит заранее определить допустимые формы работы конференции, исходя из эпидемиологической и иной обстановки, складывающейся в соответствующем субъекте РФ.

Аналогичным образом формат работы с использованием систем видео-конференц-связи был применен 23 июня

2020 г. при проведении XII Конференции судей Республики Дагестан⁹.

Регламентом конференции судей Республики Алтай прямо и недвусмысленно закреплено, что конференция судей проводится дистанционно в режиме видео-конференц-связи¹⁰. Однако представляется, что данная форма работы, фактически не предполагающая прежней формы работы путем проведения собрания в виде совместного присутствия делегатов в одном месте в одно и то же время, потребует корректировки такого регламента в будущем.

Вторым аспектом, который затрагивается в данном исследовании, является возможность принятия участия в работе конференции судей субъекта РФ для судей, пребывающих в почетной отставке, а следовательно, и иных органов судейского сообщества.

Как было указано выше, регламентом Конференции судей Чувашской Республики признается право таких судей принимать участие в работе конференции судей данного субъекта. В других субъектах РФ, например, в Вологодской области, ХМАО-Югре, городе федерального значения Севастополе такая возможность прямо в регламенте не закреплена. Однако Постановлением Совета Судей Российской Федерации от 19 октября 1994 г. рекомендовано Советам судей субъектов Российской Федерации внимательно рассматривать каждое обращение и привлекать судей-ветеранов к участию в работе органов судейского сообщества. Аналогичная информация размещена и на сайте Совета Судей Российской Федерации, где указано, что «Принимая во внимание положения пункта 2 статьи 2 Федерального закона «Об органах судейского сообщества в Российской Федерации», а также постановление Совета судей Российской Федерации от 19 октября 1994 года, которым советам судей субъектов Российской Федерации рекомендовано привлекать судей, находящихся

⁸ См.: <http://irk.ssrf.ru/konferentsiia-sudiei/38070> (дата обращения: 14.10.2021).

⁹ См.: <http://da.ssrf.ru/news/mieropriiatiia/38328> (дата обращения: 14.10.2021).

¹⁰ См.: <http://al.ssrf.ru/dokumenty/pravovaia-osnova/38454> (дата обращения: 14.10.2021).

в отставке и сохраняющих свою принадлежность к судейскому сообществу, к работе в его органах, в состав совета судей могут входить судьи в отставке»¹¹.

Однако здесь имеется некая неопределенность в механизме привлечения к работе в органах судейского сообщества судей в отставке. Исходя из содержания закона «Об органах судейского сообщества» судья в отставке может привлекаться к работе в органах судейского сообщества, однако только с его согласия. Вместе с тем есть четкий законодательно установленный запрет на избрание такого судьи в состав квалификационных коллегий судей субъекта РФ от судейского сообщества (что, впрочем, не препятствует его избранию туда от представителей общественности или Президента РФ), а также на его право избрания членов квалификационных коллегий судей.

Вместе с тем избраться в органы судейского сообщества судья в отставке может разными путями. Например, через конференцию судей, если это предусмотрено регламентом конференции судей соответствующего субъекта РФ. К слову сказать, не всегда это возможно, поскольку в системном толковании ст. 7 и 12 Федерального закона № 30 от 14 марта 2002 г. такого делегата на конференцию должно предложить общее собрание определенного суда. Это обстоятельство требует, чтобы собрания судей определенного суда имели четкую и постоянную связь с судьями в отставке, чтобы рекомендовать их в качестве делегатов на конференцию судей субъекта РФ. Таким образом, судьи в отставке в тех субъектах РФ, в которых регламенты работы конференций не

предусматривают возможность их участия в конференции, имеют значительно меньший объем возможностей по реализации предусмотренного законом права. Это положение дел, безусловно, требует внедрения одинакового регулирования, а значит, и корректировки действующих регламентов, особенно в свете того, что судьи в отставке ныне получили исключительную возможность осуществлять функции судебных примирителей.

В ст. 45 регламента конференции судей Республики Дагестан, утвержденного 28 мая 2013 г., указано право председателя Верховного суда Республики Дагестан и председателя Арбитражного суда Республики Дагестан представить не менее двух кандидатур на каждое место члена Экзаменационной комиссии, причем это могут быть как действующие судьи, так и судьи в отставке¹². Указанный механизм позволяет привлекать к работе в данном органе судейского сообщества судей в отставке, однако лишь по инициативе председателей соответствующих судов, и он вряд ли может считаться универсальным механизмом, тем более в работе конференции судей субъекта РФ.

Исходя из вышеизложенного, предлагается унифицировать акты, регулирующие работу таких органов судейского сообщества, как конференции судей субъектов РФ, для того, чтобы все судейское сообщество, независимо от того, действующие ли это судьи либо судьи в отставке, имели возможность принимать участие в работе таких органов, не обязательно путем личного присутствия, но также и с использованием систем видеоконференц-связи, а вполне вероятно, в будущем и с применением видео-веб конференций.

¹¹ См.: <http://ssrf.ru/dokumenty/polozhieniia/31913> (дата обращения: 15.10.2021).

¹² См.: <http://da.ssrf.ru/dokumenty/postanovleniia/sovieta-sudiei/10830> (дата обращения: 15.10.2021).

Литература

1. Бурдина Е.В. Правовая природа, организация и деятельность органов судейского сообщества в судебной системе России : диссертация доктора юридических наук / Е.В. Бурдина. Москва, 2016. 528 с.
2. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка: около 100 000 слов, терминов и фразеологических выражений / С.И. Ожегов; под редакцией Л.И. Скворцова. 28-е изд., перераб. Москва : Мир и Образование, 2016. 1375 с.

Суд с участием присяжных заседателей как средство эффективной правовой защиты прав и законных интересов субъектов правоотношений

Тутаринова Наталья Николаевна,
ассистент кафедры уголовного права Астраханского государственного университета,
адвокат Астраханской областной коллегии адвокатов
Ntutarinova-AKAO@mail.ru

В предлагаемой статье анализируются проблемы организации и деятельности суда с участием присяжных заседателей как средства эффективной правовой защиты прав и законных интересов субъектов правоотношений. Автор доказывает, что участие граждан в отправлении правосудия является объективно необходимым для современной России. Уголовные дела, по возможности, должны быть защищены от единоличного судебного усмотрения, чему вполне эффективно способствуют коллегии присяжных, особенно если речь идет о существенном уголовном наказании в отношении обвиняемого. Институт суда с участием присяжных заседателей создает дополнительные гарантии учета процессуальных интересов потерпевших и обвиняемых за счет стимулирования активности доказывания обстоятельств уголовного дела прокурорами и адвокатами.

Ключевые слова: справедливое судебное разбирательство, участие граждан в отправлении правосудия, демократизм судебной системы, присяжные заседатели, прокуратура, адвокатура.

Jury Trial as a Means of Effective Legal Protection of Rights and Legitimate Interests of Parties to Legal Relations

Natalya N. Tutarinova
Teaching Assistant of the Department of Criminal Law of the Astrakhan State University
Attorney at the Astrakhan Regional Bar Association

This article analyzes the problems of the organization and activities of the court with the participation of jurors as a means of effective legal protection of the rights and legitimate interests of the subjects of legal relations. The author proves that the participation of citizens in the administration of justice is objectively necessary for modern Russia. Criminal cases should, where possible, be protected from sole judicial discretion, which is quite effectively facilitated by the jury, especially when it comes to significant criminal penalties against the accused. The institution of a jury trial creates additional guarantees for taking into account the procedural interests of victims and accused by stimulating the activity of proving the circumstances of a criminal case by prosecutors and lawyers.

Keywords: fair trial, participation of citizens in the administration of justice, democracy of the judicial system, jurors, prosecutors, advocacy.

В суде с участием присяжных усматривают «плюсы и минусы»¹, его альтернативно расценивают как «суд толпы» или «суд справедливости»², институт суда с участием присяжных оценивают на предмет эффективности (исходя из презумпции более высокой эффективности профессионального правосудия)³.

¹ См., например: Палий О.И. Суды присяжных в районных судах: плюсы и минусы // Законность в современном обществе. М., 2017. С. 61.

² См.: Бобров В.М., Моисеева А.А. Суд присяжных: «суд толпы» или «суд справедливости» // Modern Science. 2020. № 12. С. 194.

³ См.: Кувшинова В.С. Эффективность института суда присяжных на примере районных судов //

Присяжные заседатели имеют гораздо более осязаемую власть, чем просто возможность придавать огласке имеющиеся факты обнаруженных ими правонарушений — это право вынесения вердикта о невиновности обвиняемого. Данное правомочие, будучи непосредственно противопоставленным законной компетенции полиции, следствия, прокуратуры и профессиональных судов, вызывает вполне естественное противодействие со стороны сообщества чиновников государствен-

Международный научно-исследовательский журнал. 2021. № 4. С. 211.

ного аппарата. Но при этом следует помнить, что правоохранительные органы, в отличие от народа России, свойством суверенитета не обладают и вообще не имеют безусловного права на уголовное принуждение⁴. Это — функция государства и всего общества в целом, которая делегируется правоохранительной системе частично, под контролем народа и в народных интересах.

Участие граждан в отправлении правосудия является объективно необходимым для современной России. Уголовные дела, по возможности, должны быть защищены от единоличного судейского усмотрения, чему вполне эффективно способствуют коллегии присяжных, особенно если речь идет о существенном уголовном наказании в отношении обвиняемого. Нельзя согласиться с В.С. Кувшиновой в том, что суд с участием присяжных — это «неоднозначный и дискуссионный институт». Сомнения в *необходимости существования* коллегий присяжных в XXI в. несостоятельны и во многом аналогичны предложениям отказаться, например, от всеобщего избирательного права, от законодательной функции парламента, от верховенства прав и свобод человека и гражданина⁵ и т.п. С другой стороны, следует признать, что имеющийся в современной России институт судов с участием присяжных заседателей *пока не является совершенным*. Он *заслуживает, зачастую, обоснованной и справедливой критики*, но не с точки зрения вопроса «нужен ли он как таковой», а с позиции разрешения комплекса вопросов о том, «как необходимо организовать и усовершенствовать его деятельность»⁶.

⁴ См.: Ольков С.Г. О разъяснении природы уголовно-правовых отношений // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2019. № 2. С. 128.

⁵ См.: Муравьев И.А. Конституционализм и просвещение // Евразийский юридический журнал. 2019. № 11. С. 96.

⁶ См.: Батршина А.А., Сафаров В.Р. Проблемы совершенствования и развития института суда присяжных в уголовном процессе // Аллея науки. 2018. Т. 4. № 4. С. 803; Семененко М. О мерах по совершенствованию участия прокурора в качестве государственного обвинителя в суде с участием присяжных заседателей // Право и жизнь. 2011. № 155. С. 221.

В.С. Кувшинова в цитируемой работе высказывает много полезных суждений о том, как именно следовало бы оптимизировать организационно-правовую работу в отношении судов с участием присяжных заседателей. Проблем здесь действительно много. Граждане не желают участвовать в коллегиях присяжных, здесь наблюдается массовый абсентеизм. Это вполне объяснимо, потому что участие в качестве присяжного заседателя — существенное социальное бремя⁷, которое было исключено из общественной практики более чем 70 лет и вследствие данного обстоятельства основательно забыто несколькими подряд идущими поколениями россиян⁸.

Если бы социальный опыт среднестатистического гражданина предполагал, скажем, увлекательные рассказы родителей или более старших предков об их участии в уголовных процессах в качестве присяжного заседателя, то их потомки, вероятно, с большим удовольствием осуществляли бы свой гражданский долг участия в отправлении уголовного правосудия. В действительности такого социального опыта в ближайшей ретроспективе нет (участвовавшие в качестве присяжных заседателей предки давно ушли из жизни и лично современным россиянам знакомы не были), поэтому среднестатистический гражданин по-прежнему относится с недоверием к системе присяжного представительства народа⁹ (примерно так же, как в период начала горбачевской «перестройки» — к институтам частной собственности, акционерного капитала, фондового рынка и т.п.).

В организации судов с участием присяжных заседателей имеются и другие недостатки. Система отбора

⁷ См.: Пушкин А.В. Суд присяжных: право, долг, обязанность и гарантии // Вестник Московского университета МВД России. 2018. № 1. С. 60.

⁸ См.: Левинсон А.Г. Образ суда присяжных в массовом сознании и возможные меры коррекции этого образа // Закон. 2021. № 5. С. 165.

⁹ См.: Зеленская Ю.А., Клюева М.С. Актуальные проблемы современного функционирования суда присяжных // Университетская наука. 2016. № 1. С. 259.

кандидатов в присяжные заседатели настолько несовершенна, что в число кандидатов постоянно попадают лица, которым в силу закона запрещено быть присяжными заседателями. Здания судов, особенно если они были построены в советское время, оказываются не приспособленными к уголовным процессам с участием жюри присяжных. Все эти и ряд других проблем решаемы, если публично обязанные к этому структуры государственного аппарата смогут проявить надлежащую заботу и заинтересованность. Но этого часто не происходит ввиду своего рода «замаскированного саботажа» правоохранительной системы и ряда общественно-государственных деятелей, их предубежденности против института суда с участием присяжных заседателей в его противопоставлении строго профессиональному уголовному правосудию, которое, по определению, якобы является более справедливым и эффективным.

В данных целях, например, высказывается мнение, будто «приговор, вынесенный на основании вердикта присяжных заседателей, равносителен диагнозу (и лечению, назначенному на его основании), поставленному прохожими в отношении лица, которому стало плохо на улице»¹⁰. Опираясь на эту публицистическую метафору, отметим, что процессуальная функция жюри присяжных — вовсе не «диагноз» и не «лечение» пациента, но публичное и независимое установление факта, «стало ли действительно ему плохо на улице». Это — своего рода коллективное свидетельство фактической стороны юридического дела, опирающееся не на допрос свидетелей, но на волю независимых граждан, которая к тому же защищается законом в силу особого процессуального статуса присяжных заседателей как лиц, обладающих важнейшим правом на принятие решения о виновности или невиновности подсудимого лица.

¹⁰ См.: Кувшинова В.С. Эффективность института суда присяжных на примере районных судов // Международный научно-исследовательский журнал. 2021. № 4. С. 211–214.

Чрезмерная увлеченность современной политико-правовой мысли «профессиональным» правосудием в ущерб «народному» правоприменению имеет в своей основе ряд иных теоретико-методологических проблем, в числе которых следует особенно отметить, во-первых, историко-правовой опыт отечественного правосудия, во-вторых, современную концепцию народного суверенитета, которая охватывает все ветви публичной власти, не только законодательную и исполнительную. Эти две проблемы органически взаимосвязаны друг с другом. Подчеркнем, в частности, что тенденция к строгой «профессионализации» правосудия — новейшая, она характерна лишь для последних десятилетий¹¹, чего не наблюдалось ни в советский период функционирования отечественного государства и права (правосудие отправлялось коллегиями из одного профессионального судьи и двух народных заседателей либо коллегиями в составе трех профессиональных судей), ни в дореволюционной, царской России (во всяком случае, после Великих реформ Александра II, когда были учреждены суды с участием присяжных заседателей).

Правосудие — это функция не столько суда, сколько суверенного народа, который делегировал судам принадлежащую ему публичную, в том числе — правоприменительную власть¹². При разбирательстве дел в судах первой инстанции разрешаются прежде всего вопросы факта, и лишь затем — вопросы права¹³. Для установления фактических обстоятельств дел требуется не столько юридическая квалификация, сколько жизненный опыт, чувство справедливости и т.п., что гораздо более эффек-

¹¹ См.: Богданов Е.В. Соотношение культуры правосудия и профессиональной культуры судей // Право и демократия. Минск, 2004. С. 223.

¹² См.: Андреев Н.Ю. Государственный суверенитет: отделение вопросов права от вопросов факта // История государства и права. 2017. № 14. С. 19.

¹³ См.: Зеленин Н.Ю. Возникновение и историческое развитие концепта разграничения вопросов факта и права в юриспруденции // Историко-правовые проблемы: новый ракурс. 2020. № 1. С. 134.

тивным образом обеспечивается через институт случайного отбора народных кандидатов в присяжные заседатели, чем посредством единой системы подготовки юридических кадров для профессионального отправления правосудия. Сказанное нельзя распространить лишь на *высшие суды* государства (в условиях современной России — на Конституционный Суд РФ и Верховный Суд РФ), которые *действительно должны* формироваться и действовать *строго на профессиональной основе*. Основная причина дифференциации данного вывода состоит в том, что высшие суды, в отличие от других судов, *воздерживаются от установления фактических обстоятельств* дел, поскольку это входит в компетенцию других судов. Разрешение вопросов права должно возлагаться на профессиональных судей; разрешение вопросов факта может осуществляться не только профессиональными судьями, но и представителями народа.

Независимость случайно отобранных присяжных заседателей от инструментария государственного аппарата, их несвязанность формальными и неформальными обязательствами с лицами, которые их назначили и уполномочены на досрочное прекращение их деятельности, — важнейшая конституционно-институциональная *гарантия беспристрастности и объективности при оценке доказанности юридических фактов уголовного-правового характера*. Обвиняемый в совершении уголовно наказуемого деяния должен быть убежден, что его дело рассматривается действительно беспристрастной и независимой коллегией, которая не является аффилированным лицом с государственным обвинением и системой уголовного преследования. Но это касается лишь вопроса факта (совершено деяние или нет, доказаны ли обстоятельства или не доказаны). Последующие вопросы юридической квалификации деяния и применения в отношении осужденного соразмерного уголовного наказания находятся в области дискреции профессионального судьи, который должен быть

хорошо осведомленным в действующем законодательстве и не вправе допускать нарушений требований закона при властно-принудительной реализации правовых норм¹⁴.

Народный суверенитет в советской России длительное время отрицался. Не признавался он и в дореволюционной империи. На смену принципу царского самодержавия пришла идея диктатуры пролетариата, которая лишь к моменту принятия Конституции СССР от 1977 г. несколько «смягчила» государственно-правовую форму вплоть до признания суверенных прав народа на организацию государственной власти. Эта линия была продолжена и развита с принятием Конституции РФ от 1993 г., согласно ст. 3 которой «носителем суверенитета и единственным источником власти» является российский народ. Подчеркнем, что это не пожелание, не рекомендация, но *требование* Конституции, которое обращено ко всей системе публично-принудительного аппарата государства и является для него *безусловным властеобразующим императивом*.

Народ является источником не только законодательной или исполнительной, но также судебной власти. Из этого следует, что тезис об исключительно «профессиональном» правосудии с конституционно-правовой точки зрения во многом аналогичен мнению о необходимости якобы «профессионального» парламента или «профессионального» правительства. В действительности *профессиональное* начало в государственной деятельности должно органически сочетаться с *народным и публичным* принципами¹⁵. Иное следовало бы квалифицировать как необоснованное отступление от суверенного права на-

¹⁴ См.: Фомин А.А. Судебное познание и истина в свете реализации конституционных принципов состязательности и презумпции невиновности // Современное общество и право. 2016. № 4. С. 39–44.

¹⁵ См.: Якушева Т.В. Значение состязательности для постановления законного, обоснованного и справедливого приговора // Известия Алтайского государственного университета. 2005. № 2. С. 71–75.

рода страны на организацию системы публичной власти.

В парламентской деятельности народность и публичность гарантируются составительной избирательной системой, в которой осуществляется мирное соперничество политических партий, эпизодическая ротация депутатского корпуса вследствие изменений в политических предпочтениях избирателей, выраженных посредством свободных выборов в органы государственной власти и местного самоуправления. В отличие от этого, судебную систему, особенно ее уголовно-правоприменительную часть, не следует ставить в прямую зависимость от деятельности политиков, партийных конкурентов, межпартийных конъюнктурных соображений и т.п. Для того чтобы обеспечить, несмотря на это, демократический характер уголовного судопроизводства и его направленность на реализацию публичных интересов единого народа современной России, существует более эффективный, апробированный и в целом оправдавший себя на практике конституционно-правовой институт отправления правосудия судами с участием присяжных заседателей.

Анализируемый институт отправления уголовного правосудия с участием присяжных заседателей имеет еще одного скрытого или, зачастую, явного институционального конкурента, которым является, на наш взгляд, консервативно настроенная часть сообщества прокуроров и адвокатов, процессуальная роль которых объективно отличается от той, которую они привыкли осуществлять вследствие длительного советского опыта функционирования государства и права. Прокурор и адвокат в состязательном уголовном процессе, который рассчитан на формирование убеждения независимых присяжных заседателей, принципиально отличается от процесса воздействия на правосознание профессиональных судей¹⁶.

¹⁶ См.: Попова А.Д. На пути к демократическому правосудию (сравнительный анализ «Основных положений преобразования судебной части в

Правоприменительная деятельность может сформировать своего рода устойчивые обыкновения, которые в силу повторяемости выглядят законными и обоснованными, однако «свежий», обновленный взгляд нового поколения присяжных заседателей способен опровергнуть устоявшуюся практику.

Правовая система государства вообще весьма подвижна и постоянно меняется. В уголовном законодательстве одни деяния криминализируются, другие — декриминализируются. В прошлом для обоснования какого-либо факта считалось достаточным предоставление совокупности одних доказательств, в современном мире этого может оказаться недостаточно или, напротив, факт будет считаться доказанным и при меньшем составе относящихся к делу доказательств. В случае угрозы привлечения обвиняемого к уголовной ответственности подобная нестабильность «считающейся достаточной» доказательственной базы может оказывать весьма негативное влияние на доверие граждан к суду, правосудию и государству в целом. Исправить данное положение во многом позволяет институт судов с участием присяжных заседателей, которые оценивают доказанность обстоятельств исключительно на основе личного опыта каждого из членов жюри и их персональных представлений о справедливости в обществе. Прокурорам и адвокатам становится гораздо сложнее обосновать свои доводы, потому что они не имеют априорного значения для коллегии присяжных. Но это благоприятно сказывается на интересах участников процесса, причем не только обвиняемого, но и потерпевшего. Институт суда с участием присяжных заседателей создает дополнительные гарантии учета процессуальных интересов потерпевших и обвиняемых за счет стимулирования активности доказывания обстоятельств уголовного дела прокурорами и адвокатами.

России» и «Концепции судебной реформы») // Вопросы правоведения. 2011. № 4. С. 122.

Литература

1. Андреев Н.Ю. Государственный суверенитет: отделение вопросов права от вопросов факта / Н.Ю. Андреев // История государства и права. 2017. № 14. С. 14–19.
2. Батршина А.А. Проблемы совершенствования и развития института суда присяжных в уголовном процессе / А.А. Батршина, В.Р. Сафаров // Аллея науки. 2018. Т. 4. № 4 (20). С. 803–805.
3. Бобров В.М. Суд присяжных: «суд толпы» или «суд справедливости» / В.М. Бобров, А.А. Моисеева // Modern Science. 2020. № 12–4. С. 194–199.
4. Богданов Е.В. Соотношение культуры правосудия и профессиональной культуры судей / Е.В. Богданов // Право и демократия. Вып. 15 : сборник научных трудов / ответственный редактор В.Н. Бибило. Минск : Белорусский государственный университет, 2004. С. 222–230.
5. Зеленин Н.Ю. Возникновение и историческое развитие концепта разграничения вопросов факта и права в юриспруденции / Н.Ю. Зеленин // Историко-правовые проблемы: новый ракурс. 2020. № 1. С. 134–142.
6. Зеленская Ю.А. Актуальные проблемы современного функционирования суда присяжных / Ю.А. Зеленская, М.С. Ключева // Университетская наука. 2016. № 1 (1). С. 259–262.
7. Кувшинова В.С. Эффективность института суда присяжных на примере районных судов / В.С. Кувшинова // Международный научно-исследовательский журнал. 2021. № 4–4 (106). С. 211–214.
8. Левинсон А.Г. Образ суда присяжных в массовом сознании и возможные меры коррекции этого образа / А.Г. Левинсон // Закон. 2021. № 5. С. 165–171.
9. Муравьев И.А. Конституционализм и просвещение / И.А. Муравьев // Евразийский юридический журнал. 2019. № 11 (138). С. 96–102.
10. Ольков С.Г. О разъяснении природы уголовно-правовых отношений / С.Г. Ольков // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2019. № 2 (36). С. 128–142.
11. Палий О.И. Суды присяжных в районных судах: плюсы и минусы / О.И. Палий // Законность в современном обществе : сборник статей международной научно-практической конференции (г. Оренбург, 13 апреля 2017 г.). В 2 частях. Ч. 2 / ответственный редактор А.А. Сукиасян. Уфа : Аэтерна, 2017. С. 61–65.
12. Попова А.Д. На пути к демократическому правосудию (сравнительный анализ «Основных положений преобразования судебной части в России» и «Концепции судебной реформы») / А.Д. Попова // Вопросы правоведения. 2011. № 4 (12). С. 122–138.
13. Пушкин А.В. Суд присяжных: право, долг, обязанность и гарантии / А.В. Пушкин // Вестник Московского университета МВД России. 2018. № 1. С. 60–63.
14. Семенов М. О мерах по совершенствованию участия прокурора в качестве государственного обвинителя в суде с участием присяжных заседателей / М. Семенов // Право и жизнь. 2011. № 155. С. 221–238.
15. Фомин А.А. Судебное познание и истина в свете реализации конституционных принципов состязательности и презумпции невиновности / А.А. Фомин // Современное общество и право. 2016. № 4 (25). С. 39–44.
16. Якушева Т.В. Значение состязательности для постановления законного, обоснованного и справедливого приговора / Т.В. Якушева // Известия Алтайского государственного университета. 2005. № 2 (36). С. 71–75.

Участие населения в отправлении правосудия способно кардинально изменить правосознание российских граждан

Малина Максим Александрович,

доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики
юридического факультета Южного федерального университета,
кандидат юридических наук
bestar@yandex.ru

В статье исследуется проблема расширения компетенции суда с участием присяжных заседателей, рассматриваются аргументы сторонников и противников использования данной формы судопроизводства для рассмотрения большего количества уголовных дел. На этой основе делается вывод: важным положением в исследовании вопросов совершенствования суда с участием присяжных заседателей является не только проблема определения его оптимальной подсудности (с учетом как юридико-технических, так и материально-организационных аспектов), но и идея о необходимости повышения общественной значимости роли, которую выполняют присяжные заседатели, о повышении престижа такой деятельности. Это позволит не только мотивировать российских граждан реализовать свое конституционное право на участие в отправлении правосудия, но и послужит развитию правосознания населения страны.

Ключевые слова: суд с участием присяжных заседателей, компетенция суда с участием присяжных заседателей, общественный контроль, конституционализация правосудия, судебная деятельность, правосознание.

Participation of the Population in Exercising Justice Can Radically Change Legal Consciousness of Russian Citizens

Maksim A. Malina

Associate Professor of the Department of Criminal Procedure and Criminalistics
of the Law Faculty of the Southern Federal University
PhD (Law)

The article explores the problem of expanding the competence of a jury trial, examines the arguments of supporters and opponents of the use of this form of criminal proceedings to consider more cases. On this basis, it is concluded that an important position in the study of the improvement of the jury trial is not only the problem of determining its optimal jurisdiction (taking into account both legal, technical and financial aspects), but also the idea of the need to increase the public importance of the role played by jurors, to increase the prestige of such activity. This will not only motivate Russian citizens to exercise their constitutional right to participate in the administration of justice, but will also serve to develop the legal awareness of the country's population.

Keywords: jury trial, jurisdiction of jury trial, public scrutiny, constitutionalization of justice, judicial activity, legal awareness.

Вопрос о возможности и даже необходимости участия российских граждан в управлении делами государства сегодня отнюдь не потерял своей актуальности. Это сложная, многоаспектная проблема, которая занимает умы ученых, политиков, общественных деятелей, практикующих юристов. От ее правильного, полноценного решения зависит успех процесса демократизации всей нашей жизни, успех в деле построения в России правового государства. Одним из ключевых аспектов данного вопроса является задача привлечения населения к отправлению правосудия, что в свою

очередь укрепляет социальную основу российского суда, позволяет говорить о повышении его авторитета. Когда судебная деятельность осуществляется при участии народа, под его контролем, тогда можно рассчитывать на полноценный учет в решениях суда требований социальной справедливости, рассчитывать на суд «правый» и «милостивый» — как писал Александр II в своем указе Правительствующему сенату 20 ноября 1864 г.¹

¹ См.: Великая реформа: к 150-летию Судебных Уставов : в 2 т. Т. II : Устав уголовного судопроизводства / под ред. Л.В. Головки. М. : Юстициформ, 2014. С. 6.

Если говорить об общественном контроле за деятельностью суда, то условно его можно представить в двух аспектах: внешнем и внутреннем.

Внешний общественный контроль напрямую связан с открытостью, с транспарентностью правосудия. Сегодня законодатель предоставляет довольно широкие возможности для доступа к информации о деятельности российских судов. В частности, граждане, представители юридических лиц и общественных объединений вправе беспрепятственно посещать открытые судебные заседания, данные о судебной деятельности размещаются в средствах массовой информации и в сети «Интернет», осуществляется трансляция открытых судебных заседаний в сети «Интернет» и т.д.² Это очень важные меры, позволяющие снизить коррупционные риски, повысить ответственность участников судопроизводства, в целом открыть двери суда для народа. При таком подходе создается благоприятная почва для развития правосознания самих граждан, для успешной борьбы с правовым нигилизмом и формирования у населения ответственного отношения к участию в демократизации жизни страны.

Внутренний общественный контроль осуществляется через непосредственное участие представителей населения в разрешении судом правовых споров. Сегодня такая возможность может быть реализована в суде присяжных. Эта форма судопроизводства представлена в уголовном процессе и позволяет гражданам самостоятельно разрешать вопросы о доказанности обвинения и о виновности подсудимого, их вердикт обязателен для председательствующего судьи. То есть именно в суде с участием присяжных заседателей население может напрямую участвовать в отправлении правосудия, а значит — непосредственно решать вопросы государственной важности.

Вместе с тем следует отметить, что при всей значимости этой народной

миссии, в реальности суд присяжных действует в крайне ограниченных пределах. Анализ судебной статистики, предоставленной Судебным департаментом при Верховном Суде Российской Федерации, показывает, что даже после введения данной модели суда в районное звено отечественной судебной системы в этой форме судопроизводства рассматривается не более 700 уголовных дел в год на всю страну³.

О целесообразности расширения компетенции суда с участием присяжных заседателей говорят многие отечественные правоведа. Так, Председатель Верховного Суда Российской Федерации В.М. Лебедев предложил отнести к подсудности данной модели суда уголовные дела о всех особо тяжких преступлениях и о преступлениях в сфере предпринимательской деятельности⁴. В количественном отношении число процессов с участием присяжных заседателей должно вырасти если не в сотни, то в десятки раз. Так, А.Н. Верещагин отмечает, что в сопоставлении с США или дореволюционной Россией мы должны иметь десятки тысяч процессов в год⁵. Звучит вдохновляюще.

Вместе с тем в научной литературе встречаются и довольно критические замечания по этому поводу. Наиболее распространенным из них выступает утверждение о том, что в материальном и организационном аспектах данная форма судопроизводства предполагает существенные затраты, поэтому пытаться превратить ее в ординарный порядок судопроизводства бессмысленно: такой нагрузки может не выдержать бюджет государства. Так, У. Бернам отмечает,

³ Данные судебной статистики Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации // cdep.ru : официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=5671> (дата обращения: 19.12.2021).

⁴ Доклад Председателя Верховного Суда Российской Федерации В.М. Лебедева. URL: https://www.advgazeta.ru/upload/medialibrary/74d/Prezentatsiya_k_dokladu_Lebedeva_2020_.pdf (дата обращения: 19.12.2021).

⁵ См.: Верещагин А.Н. О развитии суда присяжных в России // Закон. 2017. № 2. С. 112.

² См.: Федеральный закон «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации» от 22 декабря 2008 г. № 262-ФЗ // Российская газета. 2008. 26 декабря.

что в США свыше 90% обвиняемых идут на сделку с правосудием, и указывает на неизбежный крах уголовной судебной системы даже при трети уголовных дел, разрешаемых в суде с участием присяжных заседателей⁶. Л.В. Головки также пишет о невозможности рассмотрения большого количества уголовных дел в данной форме судопроизводства из-за причин кадрового, организационного, финансового характера⁷.

Исходя из этой логики и сформировалась популярная сегодня точка зрения о том, что использование суда с участием присяжных заседателей из-за высоких затрат финансово-организационного характера требует введения существенных ограничений. В англосаксонских странах, при максимально широкой его подсудности, в качестве такого противовеса выступает институт сделок с правосудием. В континентальных государствах, в том числе и в России, применяется нормативное ограничение, «сдерживание» компетенции суда с участием присяжных заседателей.

Важность учета вопросов материального характера при определении оптимальной подсудности российского суда присяжных бесспорна. Вместе с тем нельзя не согласиться с точкой зрения А.Н. Верещагина о том, что ситуация здесь отнюдь не безнадежная — при наличии политической воли и желания вопросы материально-организационного плана вполне решаемы. В частности, финансовые издержки могут быть возложены в том числе и на население нашей огромной страны, при этом такой «налог» будет практически незаметен⁸.

Еще один распространенный аргумент против расширения подсудности суда с участием присяжных заседателей звучит так: по своей юридической природе это англо-саксонский институт,

а уголовному судопроизводству континентального типа (куда вполне можно отнести и российский уголовный процесс) издревле свойственна юстиция профессиональная⁹.

При этом следует заметить, что в конце XIX в. в Российской империи статистика решений суда присяжных и коронного суда в отношении наиболее распространенных преступлений отличалась не сильно: по уголовным делам о краже виновность подсудимого утверждалась присяжными в 60% случаев, а профессиональным судом — в 61% случаев. Преступления в религиозной сфере — 70% и 72% соответственно. Преступления против телесной неприкосновенности — 51% и 55% соответственно, и т.д.¹⁰ Полагаем, что о «чужеродности» суда присяжных для нашей страны говорить не приходится — он имеет здесь свою богатую историю и, по нашему мнению, большой потенциал.

Подводя промежуточный итог, отметим, что сегодня привлечение народа к отправлению правосудия звучит больше как лозунг, нежели как реальная гарантия учета государством мнения общества. К сожалению, говорить о полноценном воплощении в жизнь конституционного права российских граждан участвовать в разрешении судом правовых конфликтов не приходится. Соответственно не приходится в этом смысле говорить и о должной конституционализации российского правосудия. Дальнейшее расширение компетенции суда присяжных важно для повышения его роли в деле демократизации судопроизводства, для укрепления веры российских граждан в справедливый суд в целом и повышения народного доверия к этому важнейшему государственному институту. Естественно, такая работа требует вдумчивого и тщательного исследования всех возможных проблем, в том числе — изложенных выше. В результате необходимо определить оптимальную для нашей

⁶ См.: Бернам У. Правовая система Соединенных Штатов Америки. М.: Новая юстиция, 2006. С. 465.

⁷ См.: Головки Л.В. Теоретические и сравнительно-правовые подходы к определению модели участия граждан в отправлении правосудия по уголовным делам // Российское правосудие. 2015. № 8. С. 42.

⁸ См.: Верещагин А.Н. Указ. соч. С. 109.

⁹ См. Головки Л.В. Указ. соч. С. 42.

¹⁰ См.: Пашин С. Суд присяжных: проблемы и тенденции. М., 2004. С. 11.

страны компетенцию суда с участием присяжных заседателей. Повторим, что одним из важнейших ориентиров здесь может выступить опыт привлечения народа к отправлению правосудия в дореволюционной России.

Далее предлагаем посмотреть на проблему под иным углом, поместив в фокус не суд присяжных в целом, не его компетенцию, а самого присяжного заседателя. Важность такого подхода обоснована тем, что эффективность народного участия в отправлении правосудия зависит не только от успешного решения вопросов юридико-технического и материального свойства, но и от того, насколько сами граждане хотят выполнять эту миссию.

Стоит отметить, что вопрос о желании стать присяжным заседателем является одним из самых «уязвимых» мест данной модели суда. Проблем здесь немало. Обобщенно можно сказать, что в основном речь идет о поиске разнообразных материальных стимулов для привлечения граждан к участию в отправлении правосудия, о часто встречающемся нежелании работодателей отпускать своих сотрудников, о слабой информированности населения о данной модели суда и вследствие этого — боязни «неизвестного». Еще пример: по мнению председателя Совета судей — Виктора Момотова, главной причиной неявки в суд попавших в список кандидатов в присяжные заседатели лиц (суд вызывает 300 кандидатов, при этом являются лишь 20 из них) является длительность рассмотрения дел (до нескольких месяцев)¹¹.

При всей сложности указанных вопросов заметим, что они отнюдь не выглядят нерешаемыми. В конце концов установление дополнительных выплат присяжным за длительность процесса, введение льготных режимов налогообложения для работодателей, чьи сотрудники являются присяжными, сокращение сроков рассмотрения дела путем более

¹¹ Клуб Замятнина: судьи ВС и юристы обсудили, как менять суд присяжных // pravo.ru : правовое издание: законодательство, судебная система, новости, аналитика. 2021. URL: <https://pravo.ru/story/219138/> (дата обращения: 21.12.2021).

оптимального перераспределения нагрузки судей и другие меры материально-организационного характера вполне могли бы улучшить ситуацию.

При этом полагаем, что полностью проблему такими методами решить не удастся, так как здесь представлен больше технический, выхолощенный подход. Но мы имеем дело не с абстрактной математической моделью, а с человеческим измерением суда. Необходимо направить внимание на самого присяжного, прежде всего на его правосознание. Что происходит с правосознанием обычного гражданина, после того как он участвовал в отправлении правосудия? Представляется, что оно претерпевает изменения поистине кардинального характера. Человек получает уникальный правовой опыт и проникается, как справедливо отмечал С.А. Пашин, «...чувством сопричастности государственным делам»¹². Гражданин непосредственно, напрямую взаимодействует с такими феноменами как государство и право, причем очень важно, что такое соприкосновение происходит и на чувственном, или, если угодно, на духовном уровне. Известный философ И.А. Ильин ввел понятие «аксиомы правосознания» и одну из них определил как «закон духовного достоинства», указав, что испытать и утвердить свое духовное достоинство можно лишь на деле убедившись в «...своей способности к восприятию и осуществлению объективной, высшей ценности»¹³. Но целью миссии присяжного заседателя как раз и является достижение справедливости, правды. Можем ли мы причислить их к указанным классиком объективным, высшим ценностям? Несомненно. И.А. Ильин

¹² См.: Пашин С.А. Концепция участия присяжных заседателей в рассмотрении судом вопроса о заключении под стражу обвиняемого (подозреваемого) // president-sovet.ru : официальный сайт Совета при президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека. 2021. URL: <http://president-sovet.ru/files/7f/d3/7fd3a6d0773264541d090eff68f44f20.pdf> (дата обращения: 21.12.2021).

¹³ См.: Ильин И.А. О сущности правосознания. М. : Рапог, 1993. С. 149.

отмечал, что «...здоровое правосознание покоится всецело на чувстве собственного духовного достоинства», называл духовное достоинство человека «глубоким корнем» правосознания¹⁴.

Опыт присяжного заседателя позволяет говорить о принципиально ином состоянии правовой идеологии и правовой психологии гражданина. Его мысли о праве, его чувства, связанные с восприятием права, уже не будут прежними. Именно психологическая сторона правосознания является его исходным основанием, ведущим для правовой идеологии началом. В суде с участием присяжных заседателей правовая психология человека впитывает новое, поистине «сакральное» содержание. Она формируется эмпирически, через познание правоприменительного процесса, прежде всего опытным путем.

Поэтому, когда мы говорим о нежелании россиян участвовать в отправлении правосудия, важно понимать, что это продиктовано отсутствием представления о ценности такого опыта, о его значимости. Наиболее действенным методом решения этой проблемы представляется создание условий, в которых граждане могли бы напрямую взаимодействовать со своими соотечественни-

ками, побывавшими в роли присяжных заседателей.

Возможность задать бывшему присяжному волнующие лицо вопросы, обсудить все аспекты данной миссии представляется очень важной. Есть ли она сегодня у наших граждан? Пример из личного опыта автора: во многих вузах существует традиция — приглашать на юридический факультет для встречи с обучающимися практикующих юристов. Это могут быть сотрудники прокуратуры, адвокатуры, суда, следственного комитета и др., но проводились ли где-то встречи студентов с бывшими присяжными заседателями? Такая практика явно не «на слуху». В более широком охвате можно говорить о проведении регулярных встреч с бывшими присяжными заседателями в масштабах всей страны (теле- и радиопередачи с возможностью лично задать вопросы, клубы присяжных, открытые лекции, круглые столы и др.), в том числе и на информационных площадках в сети «Интернет».

Представляется, что предложенные меры выступят и важным подспорьем в деле развития правосознания населения, и поднимут престиж самой этой миссии в глазах народа, а значит, послужат повышению мотивации россиян реализовать свое конституционное право на участие в отправлении правосудия.

¹⁴ См.: Ильин И.А. Указ. соч. С. 151.

Литература

1. Бернам У. Правовая система Соединенных Штатов Америки / У. Бернам. Москва : Новая юстиция, 2006. 1216 с.
2. Великая реформа: к 150-летию Судебных Уставов. В 2 томах. Т. 2. Устав уголовного судопроизводства / под редакцией Л.В. Головки. Москва : Юстицинформ, 2014. 340 с.
3. Верещагин А.Н. О развитии суда присяжных в России / А.Н. Верещагин // Закон. 2017. № 2. С. 101–113.
4. Головки Л.В. Теоретические и сравнительно-правовые подходы к определению модели участия граждан в отправлении правосудия по уголовным делам / Л.В. Головки // Российское правосудие. 2015. № 8. С. 40–49.
5. Ильин И.А. О сущности правосознания / И.А. Ильин. Москва : Парогъ, 1993. 235 с.
6. Пашин С. Суд присяжных: проблемы и тенденции / С. Пашин. Москва, 2004. 68 с.
7. Пашин С.А. Концепция участия присяжных заседателей в рассмотрении судом вопроса о заключении под стражу обвиняемого (подозреваемого) / С.А. Пашин // официальный сайт Совета при президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека. 2021. URL: <http://president-sovet.ru/files/7f/d3/7fd3a6d0773264541d090eff68f44f20.pdf>

Судебный контроль: зарождение и становление в российском уголовном процессе

Мурашкин Игорь Юрьевич,

доцент кафедры прокурорского надзора и участия прокурора в рассмотрении уголовных, гражданских и арбитражных дел Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук
igormurashkin@mail.ru

В современном уголовном процессе России судебный контроль стал неотъемлемой частью досудебного производства. Широкое использование этого института в последнее время привлекает интерес к причинам его возникновения во второй половине XIX в. и дальнейшего генезиса в дореволюционный, советский и постсоветский периоды. Эти вопросы стали предметом исследования, результаты которого, а также практические рекомендации по совершенствованию судебно-контрольной деятельности в уголовном судопроизводстве автор излагает в данной статье.

Ключевые слова: судебный контроль, уголовное судопроизводство, уголовный процесс, суд.

Judicial Control: The Origination and Establishment in the Russian Criminal Procedure

Igor Yu. Murashkin

Associate Professor of the Department of Prosecutor's Supervision and Prosecutor's Participation in Review of Criminal, Civil and Commercial Cases of the Saint Petersburg Law Institute (Branch) of the University of Prosecutor's Office of the Russian Federation
PhD (Law)

In the modern criminal process of Russia, judicial control has become an integral part of pre-trial proceedings. The widespread use of this institution has recently attracted interest in the reasons for its emergence in the second half of the XIX century and its further genesis in the pre-revolutionary, Soviet and post-Soviet periods. These issues have become the subject of research, the results of which, as well as practical recommendations for improving judicial control activities in criminal proceedings, the author sets out in this article.

Keywords: judicial control, criminal proceedings, criminal proceedings, court.

Современный судебный контроль в российском уголовном процессе явление не новое, хотя его нынешняя форма апробирована лишь в новейшей истории права. Сегодня под ним мы понимаем предусмотренную и регламентированную уголовно-процессуальным законодательством деятельность суда, связанную с принятием отдельных процессуальных решений, обеспечением законности проведения отдельных процессуальных действий, проверку решений, действий (бездействия) дознавателя, начальника подразделения дознания, начальника органа дознания, органа дознания, следователя, руководителя следственного органа и прокурора и принятие мер к устранению выявленных нарушений закона.

Ранее существовали элементы этого вида стороннего, вневедомственного наблюдения за деятельностью отдельных представителей стороны обвинения.

Необходимость такого контроля деятельности органов, осуществляющих

установление лиц, виновных в совершении преступлений, их причастности к преступным деяниям определена двумя факторами.

Во-первых, это внутренняя причина, непосредственно связанная с деятельностью органов уголовной юстиции. Она обусловлена появлением разветвленной и достаточной сложной процедуры производства по уголовным делам. На первоначальном этапе контрольную функцию выполняли только внутриведомственные подразделения. Позже появляется необходимость во вневедомственном контроле и надзоре, который является более эффективным по причине незаинтересованности в реализации интересов органов расследования¹.

¹ Здесь мы говорим о современном понимании органов расследования, как органов, осуществляющих функции сбора доказательств о наличии состава преступления и причастности конкретного лица к его совершению. Далее для облегчения понимания в статье используется современная правовая терминология, позволяющая раскрыть суть исторических преобразований.

Вторая, внешняя причина напрямую не связана с уголовным судопроизводством, но она сказывается на возникновении заинтересованности общества и государства в появлении вневедомственного контроля функционирования органов досудебного производства — развитие капиталистических форм производства и, как следствие, формирование блока политических прав и свобод человека и гражданина, необходимости обеспечения их защиты, в первую очередь при уголовном преследовании.

В некоторых европейских государствах оба фактора сформировались в раннем Средневековье, что обусловило, например, появление уже в XIII в. в Англии процедуры «Habeas Corpus», предусмотренной Вестминстерским статутом, которая позволяла обжаловать независимому судье решения органов королевской власти о заключении под стражу².

В России эти предпосылки сложились в период становления абсолютизма. В период судебной реформы 60-х годов XIX в. появились первые признаки судебного контроля. Так, согласно ст. 2 Устава судебных следователей от 8 июня 1860 г. судебные следователи входили в штат уездного суда и назначались Министром юстиции по представлению губернатора, которому, в свою очередь, соответствующие кандидатуры предлагал губернский прокурор³. Это позволило исключить зависимость интересов следственных органов от интересов полиции. Мировым судьям вменялось выполнение отдельных обязанностей в рамках предварительного расследования⁴. Более того, в Закавказье, Архангельской и Черноморской губерниях, в Сибири и Туркестане Русском обязательности судебных следователей были возложены на местных мировых судей.

Дальнейшие преобразования привели к приобретению судебной властью независимости и отделению ее от админи-

стративной⁵. Продолжавшаяся судебная реформа укрепила позиции судебных следователей. Согласно ст. 79 Учреждения судебных установлений от 20 ноября 1864 г. следователи входили в штат окружных судов и имели идентичный с судьями служебный статус, в частности, несменяемость назначением их указами главы государства⁶. Они, наряду с председателями, товарищами председателей и членами окружных судов, а также старшими председателями, председателями департаментов и членов судебных палат, назначались высочайшей властью по представлениям министра юстиции. В пояснениях к ст. 249 Устава уголовного судопроизводства 1864 г. (далее — УУС) указано, что следствие должно быть подчинено не только прокурору, но и судебным местам: «...для устранения всякого произвола в действиях следователя необходимо, чтобы некоторые важнейшие меры по следствию были производимы не иначе как с разрешения суда...»⁷. Отмечалось, что для порядка и ограждения жителей от напрасных беспокойств и притеснений необходимо, чтобы следователь состоял при суде.

В этот период появились другие элементы судебного контроля. Например, ст. 268 УУС предусмотрено, что «наложение запрещения или ареста имущества» возможно только окружным судом посредством внесения судебным следователем представления. Судебный следователь в случае несогласия с адресованным ему требованием прокурора о задержании обвиняемого был вправе обжаловать позицию надзорного органа в суд (ст. 285 УУС). В этом случае судебный контроль распространялся не только на действия и решения судебного следователя, но и на прокурора.

⁵ См.: Демичев А.А., Большакова В.М., Илюхина В.А. Периодизация истории судебных преобразований в России во второй половине XIX—XXI вв. // История государства и права. 2019. № 5. С. 36.

⁶ См.: Серов Д.О. От следственных приставов к судебным следователям: организация следственного аппарата России во второй половине XIX века. URL: <https://mail.yandex.ru/> (дата обращения: 25.11.2021).

⁷ См.: Устав уголовного судопроизводства // Судебные уставы 20 ноября 1864 года, с изложением рассуждений, на коих они основаны. Часть вторая (library6.com). URL: <https://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/5312/> [https:// constitution.garant.ru/history/act1600-1918/5312/](https://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/5312/) (дата обращения: 27.11.2021).

Судом осуществлялось рассмотрение жалоб участников уголовного процесса, что было предусмотрено ст. 493 УУС. Причем была специально оговорена возможность разрешения обращений до направления уголовного дела в суд.

При этом прекращение следствия входило в компетенцию суда. Таким образом, суд в полной мере контролировал не только отдельные следственные действия, но и фактически давал оценку работе следователя на конечной стадии производства по уголовному делу. Законодатель этого периода считал, что сосредоточение в одних руках власти по началу расследования и его прекращению «небезопасно».

Судебная реформа 60-х годов XIX в. стала наиболее яркой страницей становления судебного контроля деятельности органов дознания и следствия.

В таком виде этот институт уголовного процесса просуществовал до октябрьской революции 1917 г., когда ст. 1 Декрета Совета Народных Комиссаров от 5 декабря (22 ноября) 1917 г. № 1 «О суде»⁸ было постановлено «упразднить донныне существующие общие судебные установления, а ст. 3 — решено «упразднить донныне существовавшие институты судебных следователей...».

Между тем нельзя согласиться с мнением отдельных исследователей, что в советский период судебный контроль на досудебной стадии уголовного процесса полностью отсутствовал.

В частности, указанным выше декретом предварительное следствие по уголовным делам возлагается на местных судей единолично. В этом случае правильнее говорить о прямом контроле хода предварительного расследования и законности принимаемых решений непосредственно судебными органами уровня мирового судьи.

Лишь для борьбы с контрреволюцией создавались «особые следственные комиссии». Несколько позже, в декабре 1917 г., были созданы органы Всероссийской чрезвычайной комиссии, в задачи которой входило расследование уголовных дел по отдельным составам преступлений⁹.

⁸ См.: Декрет Совета Народных Комиссаров от 5 декабря (22 ноября) 1917 г. № 1 «О суде» // СПС «Гарант» (дата обращения: 27.11.2021).

⁹ См.: Шеуджен Н.А., Яблонский И.В. Формирование организационно-правовых основ следственных аппаратов в советской России до

Эти следственные органы были практически полностью лишены какого-либо контроля, хотя формально были зависимы от Советов Народных Комиссаров.

Такая ситуация существовала до 30 ноября 1918 г., когда Декретом Всероссийского Центрального исполнительного комитета Советов рабочих крестьянских, казачьих и красноармейских депутатов было утверждено положение о народном суде РСФСР¹⁰ (далее — Положение от 30 ноября 1918 г.), которым созданы Следственные комиссии. В этом документе уже прослеживаются отдельные черты судебного контроля принятия процессуальных решений следственными органами: предусмотрено, что постоянный народный судья единолично «производит, если встретится надобность, предварительное следствие по уголовным делам, подлежащим рассмотрению народного суда с его участием в составе двух заседателей; ...проверяет законность и правильность поводов содержания лиц под стражей в местах заключения района и в случае неправильности или незаконности такого освобождает из-под стражи; ...наблюдает за производством дознания органами советской милиции, давая руководящие указания, утверждает или усиливает меры пресечения уклонения от следствия, принятые этими органами, в случае необходимости смягчить меры пресечения немедленно вносит вопрос на разрешение народного суда». Предусмотрено, что постановление следственной комиссии о прекращении уголовного дела направлялось в суд, которому принадлежало право окончательного решения по данному вопросу. Кроме того, любое постановление следственной комиссии могло быть обжаловано в народный суд.

Аналогичные полномочия в части судебного контроля сохранились в Декрете Всероссийского Центрального исполнительного комитета от 21 октября 1920 г. «Положение о народном суде Российской Социалистической Федеративной Советской Республики»¹¹.

начала систематизации законодательства в правоохранительной сфере (1917–1922 гг.) // Общество и право. 2018. № 1 (63). С. 92.

¹⁰ См.: Положение ВЦИК о народном суде РСФСР // Известия. 1918. 8 декабря; Известия. 1918. 10 декабря; Известия. 1918. 12 декабря; Собрание Узаконений. 1918. № 85. Ст. 889.

¹¹ См.: Декрет ВЦИК от 21 октября 1920 г. «Положение о Народном Суде Российской Социалистической Федеративной Советской Республики» //

Не миновал элементов судебного контроля и первый советский Уголовно-процессуальный кодекс. Следователи, как и ранее, оставались в ведении Советов Народных Судей и Революционных Трибуналов, а военные следователи и следователи по важнейшим делам — Народного Комиссариата Юстиции. На судей возлагалась обязанность освободить из-под стражи лицо, если не имелось на задержание законного постановления уполномоченного органа, или содержащееся свыше срока, установленного законом или судебным приговором. Орган дознания о задержании подозреваемого обязан был информировать суд, которому подсудно данное дело, или же народного судью, в районе которого произошло преступление или был задержан подозреваемый. При возникновении полярных мнений у следователя и прокурора по поводу необходимости избрания конкретной меры пресечения или ее отмены данный вопрос разрешался судом по представлению следователя.

Показательным является и то, что жалобы на нарушения или стеснение прав участников уголовного процесса следователем рассматривались судом.

Кроме этого, народный судья был компетентен разрешать вопросы о производстве предварительного следствия по делам, где таковое не является обязательным; о производстве дознания по делам, не требующим предварительного следствия; об утверждении или усилении меры пресечения, принятой органами дознания, и о возбуждении уголовного преследования.

Аналогичные позиции сохранились в переработанном УПК РСФСР 1923 г.¹² Лишь акцент в рассмотрении жалоб на действия следователя был смещен в сторону прокурора. Но и в этом случае ст. 220 УПК РСФСР 1923 г. предусматривала, что в случае несогласия следователя или гражданина с постановлением прокурора последнее может быть обжаловано им в губернский суд. Теми же, что и в УПК РСФСР 1920 г., остались вопросы, которые разрешал народный судья на досудебной стадии уголовного процесса.

СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 22.11.2021).

¹² См.: Постановление ВЦИК от 15 февраля 1923 г. «Об утверждении Уголовно-Процессуального Кодекса РС.Ф.С.Р.» (вместе с «Уголовно-Процессуальным Кодексом РС.Ф.С.Р.») // СУ РСФСР. 1923. № 7. Ст. 106.

В таком виде элементы судебного контроля сохранились вплоть до 1960 г., когда был принят новый Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР¹³.

Этот процессуальный документ в меньшей степени сохранил нормы, обеспечивающие вмешательство суда в ход предварительного расследования. К ним можно отнести обязанность суда возбуждать уголовное дело в каждом случае выявления признаков уголовно наказуемого деяния, а также судебную проверку законности избрания меры пресечения в виде содержания под стражей.

С 1983 г. в УПК РСФСР 1960 г. появляется еще одна мера судебного контроля — частное определение или постановление. Вывод об отнесении этой формы судебного документа к контрольной деятельности суда основан на том, что он выносился при обнаружении нарушений прав граждан и других нарушений закона, допущенных при производстве дознания, предварительного следствия или при рассмотрении дела нижестоящим судом.

В остальных случаях и *de jure*, и *de facto* с 1961 г. контроль над расследованием уголовных дел почти полностью перешел в юрисдикцию органов прокуратуры.

Такая ситуация просуществовала вплоть до 2001 г. В результате общественно-политических преобразований в России конца XX в. судебно-контрольные функции были значительно расширены.

Ныне действующий уголовно-процессуальный закон предусмотрел конкретные полномочия суда, реализуемые на досудебной стадии уголовного процесса. Исходя из анализа ч. 2–4 ст. 29 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее — УПК РФ), эту комбинацию можно разделить на следующие категории:

— решение вопросов, связанных с ограничением права передвижения лиц, в отношении которых открыто уголовное преследование (п. 1–3 ч. 2 ст. 29 УПК РФ);

— о производстве конкретных следственных действий и контроле законности в случае проведения без судебного решения в случаях, не терпящих отлагательства (п. 4–8, 11, 12 ч. 2 ст. 29 УПК РФ);

— связанные с ограничениями имущественных прав граждан (п. 3.1, 9, 10.1 ч. 2 ст. 29 УПК РФ);

¹³ См.: Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР // Ведомости ВС РСФСР. 1960. № 40. Ст. 592.

— о временном отстранении подозреваемого или обвиняемого от должности (п. 10 ч. 2 ст. 29 УПК РФ);

— рассмотрение жалоб на действия (бездействие) и решения прокурора, следователя, органа дознания и дознавателя в случаях и порядке, которые предусмотрены ст. 125 настоящего Кодекса (ч. 3 ст. 29 УПК РФ);

— требование о принятии мер, направленных на устранение нарушения прав и свобод граждан, а также других нарушений закона, допущенных при производстве дознания и предварительного следствия (ч. 4 ст. 29 УПК РФ).

Проведенный выше анализ позволяет сделать вывод о том, что судебный контроль в российском уголовном процессе существовал в большей или меньшей степени на протяжении последних более чем полутора сотен лет. Вобрав в себя лучшие направления этого вида надзора, а также новации последнего времени, он сформировался в отдельное направление судебной деятельности, выделяемое исследователями в области дифференциации судебных производств в отдельную форму судопроизводства¹⁴. Основной его целью является обе-

спечение законности, соблюдения прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства и других заинтересованных лиц от произвола должностных лиц, осуществляющих уголовное преследование на стадии досудебного производства, т.е. до направления уголовного дела в суд.

Между тем, определяя перспективы развития этого вида контрольно-надзорной деятельности, следует отметить, что расширение функций суда на этом участке работы приведет к существенной перегруженности органов уголовной юстиции. По этой причине представляется наиболее предпочтительным оставить судебным органам только проверку законности принятия решений, оценку действий (бездействия) должностных лиц органов дознания и предварительного следствия, а также органов прокуратуры. В первую очередь это нивелирует связь суда с органами предварительного расследования, обеспечивая беспристрастную оценку полученных доказательств при рассмотрении уголовных дел по существу. Кроме этого, такая организация контроля снизит нагрузку на судебные органы. Для реализации изложенной позиции требуется изменение соответствующих норм уголовно-процессуального законодательства.

¹⁴ См.: Якимович Ю.К. Избранные труды. СПб.: Издательство «Юридический центр Пресс», 2011. С. 149, 449; Червоткин А.С. Место промежуточных судебных производств в системе российского уголовного процесса // Российский судья. 2012.

№ 7. С. 9; Бурмагин С.В. Судебные производства в уголовном процессе: понятия и виды // Государство и право. 2019. № 2. С. 148.

Литература

1. Бурмагин С.В. Судебные производства в уголовном процессе: понятия и виды / С.В. Бурмагин // Государство и право. 2019. № 2. С. 146–159.
2. Демичев А.А. Периодизация истории судебных преобразований в России во второй половине XIX–XXI вв. / А.А. Демичев, В.М. Большакова, В.А. Илюхина // История государства и права. 2019. № 5. С. 34–45.
3. Серов Д.О. От следственных приставов к судебным следователям: организация следственного аппарата России во второй половине XIX века / Д.О. Серов // Историко-правовые проблемы: новый ракурс. 2014. № 9–1. С. 114–135.
4. Хатуаева В.В. Историческая ретроспектива становления и развития мировой юстиции в России / В.В. Хатуаева // История государства и права. 2019. № 9. С. 31–36.
5. Чельцов-Бебутов М.А. Возникновение судебной проверки ареста / М.А. Чельцов-Бебутов // Курс советского уголовно-процессуального права. Т. 1. Очерки по истории суда и уголовного процесса в рабовладельческих, феодальных и буржуазных государствах. Санкт-Петербург, 1995. С. 354–355.
6. Червоткин А.С. Место промежуточных судебных производств в системе российского уголовного процесса / А.С. Червоткин // Российский судья. 2012. № 7. С. 5–9.
7. Шеуджен Н.А. Формирование организационно-правовых основ следственных аппаратов в советской России до начала систематизации законодательства в правоохранительной сфере (1917–1922 гг.) / Н.А. Шеуджен, И.В. Яблонский // Общество и право. 2018. № 1 (63). С. 91–95.
8. Якимович Ю.К. Избранные труды / Ю.К. Якимович. Санкт-Петербург: Юридический Центр Пресс, 2011. 772 с.

DOI: 10.18572/1812-3791-2022-2-61-64

Российский суд по правам человека: pro et contra

Огнева Елена Александровна,

доцент кафедры конституционного, административного и уголовного права
Среднерусского института управления Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации,
кандидат юридических наук, доцент
ogneva-elena@yandex.ru

В статье анализируется предложение о создании Российского суда по правам человека, рассматриваются мнения экспертов по данному вопросу. Выявлены некоторые проблемы взаимодействия Европейского суда по правам человека (ЕСПЧ) и российской судебной системы, в частности вопрос соотношения судебной юрисдикции и проблема исполнения решений Европейского суда по правам человека в современной конституционно-правовой парадигме России в свете проведенной конституционной реформы 2020 г. Рассмотрен вопрос о целесообразности создания Российского суда по правам человека, о проблемах его формирования и функционирования.

В результате проведенного исследования сделан вывод о том, что в настоящее время идея создания Российского суда по правам человека представляется нецелесообразной.

Ключевые слова: Российский суд по правам человека, Европейский суд по правам человека (ЕСПЧ), российская судебная система.

The Russian Court of Human Rights: Pro et Contra

Elena A. Ogneva

Associate Professor of the Department of Constitutional, Administrative and Criminal Law
of the Central Russian Institute of Management of the Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration
PhD (Law), Associate Professor

The article analyzes the proposal to create a Russian court of Human Rights, examines the opinions of experts on this issue. Some problems of interaction between the European Court of Human Rights (ECHR) and the Russian judicial system are identified, in particular, the question of the correlation of judicial jurisdiction and the problem of enforcement of decisions of the European Court of Human Rights in the modern constitutional and legal paradigm of Russia in the light of the constitutional reform of 2020. The question is raised about the expediency of creating a Russian court for Human Rights, about the mechanism of its formation and functioning.

As a result of the conducted research, it is concluded that at present the idea of creating a Russian court for human rights seems unviable.

Keywords: the Russian Court of Human Rights, the European Court of Human Rights (ECHR), the Russian judicial system.

В декабре 2020 г. Президентом Российской Федерации В.В. Путиным было проведено очередное заседание Совета по развитию гражданского общества и правам человека, на котором прозвучало предложение о создании Российского суда по правам человека.

Сразу следует оговориться, что Президенту Российской Федерации эта идея представлялась «сама по себе правильной», поскольку обусловлена существованием множества жалоб на несправедливые приговоры, и создание

такого суда помогло бы разгрузить прокуратуру и суды общей юрисдикции¹.

Появление данной концепции принадлежит профессору Е.Н. Мысловскому, согласно которому Российский суд по правам человека должен стать аналогом Европейского суда по правам человека (далее по тексту — ЕСПЧ).

¹ Филипенко А., Кузнецова Е. Путин назвал правильной идею создать в России суд по правам человека. URL: <https://www.rbc.ru/society/10/12/2020/5fd2081a9a7947bade69a35c> (дата обращения: 12.09.2021).

Обращаясь к истории вопроса, необходимо отметить, что россияне впервые получили возможность обращаться в ЕСПЧ после приобретения Россией статуса государства-члена в Совете Европы и ратификации Европейской конвенции по правам человека. Данный факт свидетельствует о том, что россияне имеют возможность обращаться в ЕСПЧ уже более 20 лет, и статистика их обращений в данный международный судебный орган растет с каждым годом, наглядно и убедительно доказывая, что Россия — одна из стран с наибольшим количеством жалоб по вопросам нарушений прав человека.

Если обратиться к конкретным цифрам, то можно отметить, что за 2019 г. из 59 800 обращений в ЕСПЧ на долю России приходится 15 037. Что касается выявленных нарушений, то из 884 решений ЕСПЧ — 189 относилось к России, и только в отношении пяти из них суд отклонил обращение².

За последние пять лет ЕСПЧ был рассмотрен целый ряд громких дел, решения по которым были не в пользу России. Таким делом, в частности, стало дело «Каблис против России», когда российские власти заблокировали аккаунт Григория Каблisa в соцсети «ВКонтакте», поскольку посчитали, что он призвал население к несанкционированному митингу. Г. Каблис обратился в ЕСПЧ, где его представители доказывали факт нарушения блокировкой аккаунта заявителя его прав на свободу выражения мнения и свободу собраний, с чем согласились в Страсбурге. По этому делу было принято решение, согласно которому власти государства-ответчика должны были заплатить заявителю €12 000 в качестве компенсации морального вреда³.

² Четверть жалоб в ЕСПЧ в 2019 году подали россияне. URL: <https://pravo.ru/news/218023/> (дата обращения: 20.09.2021).

³ CASE OF KABLIS v. RUSSIA // официальный сайт ЕСПЧ. URL: [https://hudoc.echr.coe.int/eng#{%22itemid%22:\[%22001-192769%22\]}](https://hudoc.echr.coe.int/eng#{%22itemid%22:[%22001-192769%22]}) (дата обращения: 27.09.2021).

Еще одним нашумевшим делом стало дело «Сергей Магнитский и другие против России». В суде было установлено, что в отношении Магнитского применялось «бесчеловечное содержание под стражей», со стороны охранников применялось жестокое обращение, а необходимая медицинская помощь не оказывалась. Согласно решению ЕСПЧ, государство-ответчик нарушило несколько пунктов Конвенции по правам человека и было обязано выплатить заявителям €34 000 компенсации морального вреда⁴.

Однако в последние годы международное право в нашей правовой системе оказывается в некоторой степени «забытым». В свете проведенной конституционной реформы 2020 г. решения международных судебных органов перестают иметь обязательную силу. Вместе с тем ни в одной стране, входящей в Совет Европы, кроме России, законодательно не предусмотрена возможность неисполнения решений ЕСПЧ.

В частности, Конституционный Суд Российской Федерации с недавних пор имеет право принимать решение о нецелесообразности исполнения решений ЕСПЧ. В качестве примера можно привести дело ЮКОСа.

Возвращаясь к вопросу о необходимости и целесообразности создания Российского суда по правам человека, стоит отметить, что одной из основ российской правовой системы, согласно ст. 2 и 18 Конституции РФ, является защита прав и свобод человека и гражданина. Как подчеркивает В.Н. Плигин, «на защиту прав и свобод человека нацелена деятельность всей судебной системы Российской Федерации»⁵, в связи с чем создание специализированного суда по

⁴ CASE OF MAGNITSKIY AND OTHERS v. RUSSIA // Официальный сайт ЕСПЧ. URL: [https://hudoc.echr.coe.int/eng#{%22itemid%22:\[%22001-195527%22\]}](https://hudoc.echr.coe.int/eng#{%22itemid%22:[%22001-195527%22]}) (дата обращения: 27.09.2021).

⁵ Ключевская Н. Создание российского суда по правам человека: поиск рационального зерна. URL: <http://www.garant.ru/article/1452008/> (дата обращения: 15.09.2021).

правам человека в рамках действующей судебной системы не представляется необходимым.

Однако Е.Н. Мысловский утверждает, что Российский суд по правам человека необходим и может рассматривать дела с точки зрения нарушений положений главы 2 Конституции Российской Федерации⁶. По его мнению, деятельность нового российского судебного органа способствовала бы решению указанных проблем, а также привела бы к снижению материальных затрат. К примеру, за 2019 г. Министерство юстиции потратило 1,135 млрд рублей на выплаты по решениям Европейского Суда по правам человека⁷.

Идею создания Российского суда по правам человека, несмотря на существующие вопросы о пересечении компетенций с ЕСПЧ, поддержал член Общественной палаты Российской Федерации А.Ю. Кирьянов. По его мнению, «появление такого судебного органа удвоит функционал, что позволит повысить и укрепить гарантии защиты прав и свобод человека»⁸.

Тем не менее далеко не все эксперты считают идею о создании Российского суда по правам человека правильной. Так, например, адвокат Адвокатской палаты Владимирской области, кандидат юридических наук М.А. Никонов считает, что данное предложение означает создание дополнительной институции вместо отлаживания работы существующей судебной системы, реформирования уголовного процесса и последовательного и систематического исполнения решений ЕСПЧ⁹.

С этой точки зрения представляется возможным согласиться с данным мне-

нием, в связи с тем, что такое предложение не дает ответы на существующие проблемы, а вызывает целый ряд новых вопросов, в частности: какими проблемами прав человека будет заниматься новый институт судебной власти; как исключить из юрисдикции других российских судов проблемы прав человека; на основании каких нормативных актов и в каком процессуальном порядке будут приниматься решения данного Суда.

Поскольку с юридической точки зрения ответов на перечисленные вопросы нет, то, на наш взгляд, сама идея представляется нежизнеспособной и неэффективной.

По мнению другого эксперта, профессора НИУ ВШЭ, заслуженного юриста России С.А. Пашина, создание такого суда может создать преграду на пути в Конституционный и Европейский суды.

Следующим экспертом, высказавшим свое мнение по данному поводу, стала Уполномоченный по правам человека в Российской Федерации Т.Н. Москалькова. По ее мнению, для образования вышестоящего в правозащитном лифте органа требуется внесение поправок в Конституцию Российской Федерации, а также необходим пересмотр всей судебной системы, поскольку на данный момент вопросами, связанными с правами человека, занимается Верховный Суд Российской Федерации. По ее мнению, существующая статистика недостаточна для таких коренных изменений. А.И. Ковлер, соглашаясь с данной позицией, высказывает идею о том, что вместо столь серьезных изменений лучше заняться поиском способов придания большей эффективности существующим судебным структурам¹⁰.

Что касается общей сути изменений, то совершенно очевидным, на наш взгляд, в настоящее время является тот факт, что ЕСПЧ своими постановлениями расширяет способы защиты прав и свобод человека в Российской

⁶ Филипенко А., Кузнецова Е. Указ. соч.

⁷ Минюст выплатил за год 1,1 млрд по решениям ЕСПЧ. URL: http://www.echr.ru/news/msg.asp?id_msg=5450 (дата обращения: 22.09.2021).

⁸ Ключевская Н. Указ. соч.

⁹ Адвокатская газета. URL: <https://www.advgazeta.ru/novosti/eksperty-ag-ne-vidyat-smysla-v-rossijskom-sude-po-pravam-cheloveka/> (дата обращения: 12.09.2021).

¹⁰ Ключевская Н. Указ. соч.

Федерации и предполагает несравнимо большую свободу, нежели это предусмотрено нормами национального законодательства.

Следует отдать должное постоянной комиссии по гражданскому участию в развитии судебной системы Совета при Президенте Российской Федерации, которая сочла создание Российского суда по правам человека нецелесообразным по ряду критериев¹¹. Во-первых, компетенция такого суда неизбежно будет дублировать компетенцию уже созданных и успешно функционирующих судов, устанавливающих и оценивающих обстоятельства того или иного дела, исходя из приоритета защиты прав, свобод и законных интересов граждан. Во-вторых, создание нового Суда повлечет за собой принятие отдельного нормативного правового акта, регулирующего деятельность данного суда, причем этот акт может обесценить положения главы 2 действующей Конституции Российской Федерации. В-третьих, такой суд, несмотря на его специализацию, будет вынужден взять на себя часть полно-

мочий высших судебных инстанций и самого ЕСПЧ. Более того, он должен будет занять положение «над Верховным Судом РФ и Конституционным Судом РФ», что нанесет очевидный ущерб правовой определенности. Создание такого супер-суда будет дестабилизировать сложившуюся судебную систему. Если же рассматривать Российский суд по правам человека как «мост» между ЕСПЧ и национальными судами, обращение в которые предполагает исчерпание национальных средств правовой защиты, то это значительно отдалит возможность российских граждан использовать право на обращение в межгосударственные органы по защите прав и свобод (ст. 46.3 Конституции Российской Федерации)¹².

Подводя итог, необходимо отметить тот факт, что идея создания Российского суда по правам человека является трудно реализуемой по причине целого ряда проблем, прежде всего: взаимодействие данного судебного органа с другими отечественными судами, которые также осуществляют деятельность по защите прав человека; нормативные акты, на основе которых будут приниматься решения и осуществляться деятельность Российского суда по правам человека.

¹¹ Постоянная комиссия СПЧ по гражданскому участию в развитии судебной системы подготовила заключение по вопросу о целесообразности создания Российского суда по правам человека. URL: <http://www.president-sovet.ru/presscenter/news/read/6617/> (дата обращения: 01.10.2021).

¹² Там же.

Литература

1. Ключевская Н. Создание российского суда по правам человека: поиск рационального зерна / Н. Ключевская // Гарант.ру. 2021. 19 марта.
2. Филипенко А., Кузнецова Е. Путин назвал правильной идею создать в России суд по правам человека / А. Филипенко, Е. Кузнецова // РБК. 2020. 10 декабря.

Для оформления заказа на приобретение одного и/или нескольких печатных экземпляров журнала с опубликованной статьей просим вас при получении уведомления о включении вашей статьи в содержание журнала обратиться в авторский отдел по телефону: 8 (495) 953-91-08, или по электронной почте: avtor@lawinfo.ru